

ЛИБЕР НЕКРИП

Книга о смерти в Старом Свете

Вы держите в руках Либер Некрис, нечестивую книгу нежити, фолиант проклятых, колдовскую книгу упадка. Этот труд, написанный графом Маннфредом фон Карштайном, повелителем Сильвании, является наиболее полным сборником знаний по некромантии и жизни за чертой смерти, который когда-либо издавался. Для выживания в суровом Старом Свете вам не помешает его прочитать.

На этих еретических страницах описаны: история вампиров; возвышение, падение и очередное возвышение Нагаша, а также его власть над ордами нежити, которыми, словно чумой, поражён Старый Свет. Рассказывается история царей Нехекхары и приоткрываются тайны чёрного искусства некромантии. Все аспекты жизни за чертой смерти исследуются в этой содержательной, прекрасно иллюстрированной книге. Но берегитесь! Перевернув страницу, вы можете подвергнуть опасности свою душу.

A BLACK LIBRARY PRODUCT

ISBN 1-84416-338-5

9 781844 163380 >

UK £15
US \$29.99
CAN \$41.00

BL PUBLISHING

5 011921 921195 >

Games Workshop
Product code
6004 0281 003

Printed in the E.U.

Любер Некрус

Книга о смерти в Старом Свете

Составитель: Marijan von Staufer
Авторы: Alessio Savatore, JervisJohnson, William King,
Tuomas Pirinen & Marijan von Staufer
Редактор: Matt Ralphs
Графическое оформление: Paul Foulkes & Darius Hinks
Продюсер: Marc Gascoigne

Издание Black Library

Иллюстраторы: Dave Allsop, John Blanche, Steve Boulter, Alex Boyd,
Lee Carter, Chris Christopher, Paul Dainton, Wayne England, Fangorn,
Dave Gallagher, Des Hanley, Paul Jeacock, Stu Jennet, Dave Kendall, Karl
Kopinski, Ian Peterson, Karl Richardson, Adrian Smith, Tiernen
Trevallion, Chris Trevas and John Wigley

Скелеты: Paul Foulkes

Информация по печатному оригиналу издания

ISBN 13: 978-1-84416-336-0 **ISBN 10:** 1-84416-338-5 **GW Product Code** 6004 0281 003
Limited Edition ISBN 13: 978-1-84416-339-7 **Limited Edition ISBN 10:** 1-84416-339-3 **GW Product Code** 6004 0281 004

Издание Black Library. Части этого текста были впервые представлены в следующих издания Games Workshop: *Warhammer Armies: Undead* (1994), *Warhammer Armies: Vampire Counts* (1999). Эта редакция впервые была опубликована в Соединённом Королевстве в 2006 издательством BL Publishing, Games Workshop Ltd, Willow Road, Nottingham NG7 2WS, UK. © Games Workshop Limited 2006. Все права защищены.

Black Library, логотип the Black Library, Black Flame, BL Publishing, Games Workshop, логотип Games Workshop и все сопутствующие эмблемы, названия, персонажи, иллюстрации и изображения из вселенных Warhammer являются либо ®, ™ и/или © Games Workshop Ltd 2000-2006, зарегистрированными в Соединённом Королевстве и других странах мира. Все права защищены.

Узнайте больше о Black Library на сайте www.blacklibrary.com. Узнайте больше о Games Workshop и мирах Warhammer на сайте www.games-workshop.com.

Я ИСПИЛ ИЗ САМОГО нечестивого кубка и читал наиболее вредоносные строки.

Бледные очертания жизни и смутные формы смерти более не содержат неизвестных мне тайн. Я изучил все их проявления, и душа моя оценила их ужасную гармонию.

В моих венах пылает кровь царей и героев, равно как и кровь демонов и чудовищ. Разумеется, за моё долгое существование меня величали и всеми этими эпитетами, и иными.

Ни одна другая жизнь не может быть столь совершенной и истинной, как жизнь какого-нибудь представителя моего вида, и ни одно существо не заслуживает жизненных ценностей так, как я. Низшие существа боятся и ненавидят то, что я собой представляю, как им и надлежит. Смертные боятся того, что они не в состоянии понять, и проникаются ненавистью к тем вещам, которых боятся, так что тут я спокоен. Это лишь на пользу, что слабые души смертных ненавидят моё имя, боятся моих желаний, и понятия не имеют о моей истинной сущности и природе всего моего вида.

Однако меня утомили выдумки и мифы смертных людей. Я устал читать истории и пророчества жалких некромантов и моих безумных собратьев и предков. И потому я решился вверить пергаменту все мои исследования и открытия, относящиеся к истории моего происхождения и природе моего вида, включая и те искусства, которые сделали нас теми, кто мы есть, и те, которые, в свою очередь, были созданы нами.

Эти страницы содержат тайны истинного бессмертия и освобождения от бессмысленной власти божественных сущностей. На этих страницах можно прочесть будущее, если только ты, мой неизвестный читатель, имеешь глаза, чтобы его увидеть. Ибо это откровения, открытия и размышления графа Маннфреда фон Карштайна, повелителя Сильвании, истинного преемника рода Вашанеша и наследника трона Ламии, которому предназначено объединить все государства людей под своей верховной властью, по праву ему принадлежащей.

ИСТОРИЯ МОЕГО вида тянется корнями через многие тысячелетия, прошедшие до появления бога-человека Сигмара и основания его Империи, в страну, лежащую далеко на юге, за жалкими государствами Порубежных княжеств и древней крепостью Карак Азул. Именуемая народом азур «Тар Уритархайн», а гномами — «Гримаз Анкор», так называемым учёным государства Сигмара эта далёкая страна известна лишь как Царство мертвецов.

Если подобные мне действительно победили смерть — а, поверьте мне, так оно и есть — то долгий бой за обретение этого бессмертия начался не где-либо, а

именно в Царстве мертвецов. Забавная ирония сего в том, что страна эта была колыбелью человеческой цивилизации, и её подлинное название — Нехекхара, как прежде, так и ныне.

Мало кто способен авторитетно рассказать о Нехекхаре. Немногие из смертных добрались до этой ныне необитаемой земли, а из тех, кому сие удалось, и того меньше возвратилось, чтобы поведать о своих странствиях. Мне известен лишь один смертный из тех, кто исходил Нехекхару вдоль и поперёк и возвратился, чтобы рассказать об этом. По возвращении собственный народ поносил его, как еретика и безумца — такова предсказуемая глупость смертных людей, неспособных разглядеть среди

себе подобных редко встречающегося мудреца, который, словно пастух, окружён безмозглым стадом.

Мудрец, о котором я рассказываю, это арабский принц по имени Абдул бен Рашид бен Муссад бен Осман, великий шейх затерянного Бел Алиада, сын Зыбучих песков и повелитель Малалукской пустыни. Он единственный видел то, что не довелось ни одному смертному за тысячелетия до рождения бога-человека Сигмара. Движимый мучительным порывом своего любопытства и безжалостной дланью предназначения, Абдул бен Рашид восемь долгих лет странствовал по землям древней Нехекхары, описывая всё увиденное в шедевральном труде, которому не сумел дать имя сам, но который история именует „Книгой мёртвых“. Это несколькими сохранившимся копиям сей великой нерифмованной поэмы учёные Старого Света обязаны своим скудным знаниям о древней Нехекхаре.

Как часто происходит в подобных случаях, бен Рашид не дожидаясь момента, чтобы наблюдать широко распространившийся страх, вызванный его трудом. То ли пытаюсь воспроизвести некоторые из опасных искусств, виденных им за время странствий, то ли вследствие проклятия, которое пало на него просто потому, что ему довелось узреть то, что довелось, принц погиб при таинственных обстоятельствах, будучи задушен в запёртом помещении с закрытыми ставнями. Когда его слуги в итоге взломали дверь, то обнаружили лишь труп принца с побагровевшим лицом. Говорят, тело его было столь

холодным, что обжигало руки тех, кто пытался его поднять.

Напуганный этими событиями и не имеющий понятия о великой ценности труда бен Рашида, калиф восточного города Ка-Сабар приказал отыскать и предать огню все копии книги принца. К счастью для истории и искателей знаний, калиф не преуспел в своём вредоносном невежестве. Копии сохранились в частных собраниях аристократов, слишком невежественных, чтобы распознать происхождение или ценность книги, которой владеют. По прошествии времени фанатичные рыцари Империи, Тилии и Бретоннии объявили крестовый поход против земель Арабии, и среди добычи, привезённой ими обратно из своего безрассудного предприятия, оказались копии „Книги мёртвых“, хотя я уверен, что многие из этих рыцарей о том пожалели.

В книге бен Рашида рассказывается о великой пустыне на востоке от Арабии, в которой воздвигнуты тысячи и тысячи некрополей всех видов и размеров — осыпающиеся отголоски самой древней из всех человеческих цивилизаций. Существует множество неполных копий книги, большинство которых содержит поздние вставки и в которых изначально безукоризненные обороты речи изменены недалёкими вымыслами посредственных историков и поэтов. Я приведу здесь несколько строф оригинального, не подвергшегося изменению текста, в моём собственном переводе.

В той ужасающей пустыне под бледным ликом луны разгуливают мёртвые люди.

Они появляются на перемещающихся дюнах безветренными тихими ночами, потрясая бронзовым оружием в издевательском вызове и горьком негодовании жизни, которой более не обладают.

А временами, сухими и наводящими ужас голосами, подобными шуршанию высушенного солнцем тростника, они нащёптывают одно слово, которое помнят по прошлой жизни. Имя того, кто проклял их и обрёл на существование в состоянии, которое не является ни жизнью, ни смертью.

Они шепчут имя: Нагаш.

КОТЯ В НАШЕ время земли Нехекхары являются дикой и безжизненной пустыней, а протекающая по ней великая река смертельно ядовита, а по цвету и составу напоминает свернувшуюся кровь, так было не всегда.

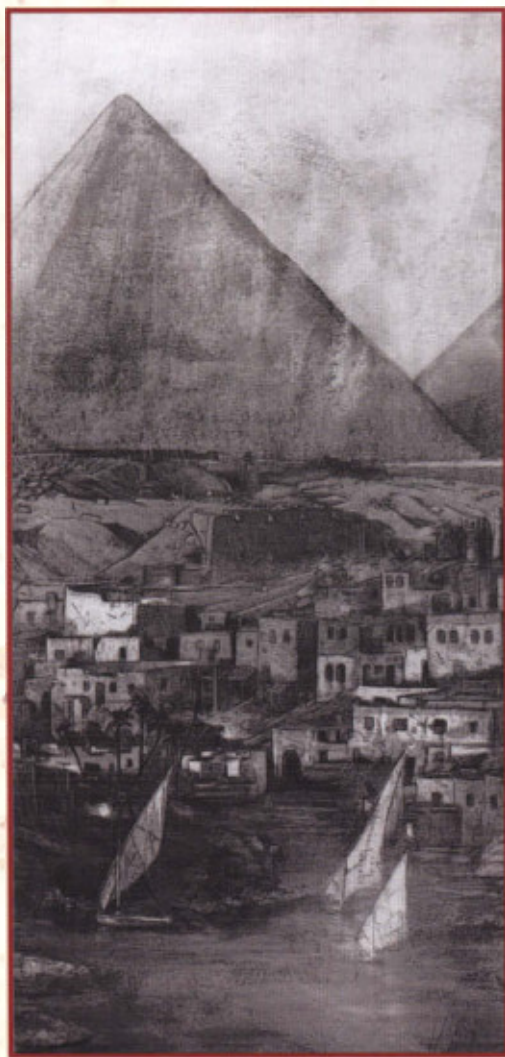
Верно, что города представляют собой безжизненные осыпающиеся руины на окраинах великих некрополей. Верно, что дороги давно погребены под перемещающимися песками, и лишь немногие обвалившиеся статуи и изъеденные ветрами монументы отмечают их наличие. Те немногие путешественники, которые возвратились из этой безжизненной страны, рассказывают лишь об опустошённости, ужасном страхе и тоске, которые наполняют их сердца. Верно, что страна сейчас безжизненна,

но так было не всегда. Я знаю, ибо прошёл всеми теми путями, которые до меня исходил бен Рашид, и я увидел и узнал то, что видел и знал он, и гораздо, гораздо больше.

За три тысячелетия до времени Сигмара вдоль берегов Великой реки смерти, которую учёные древности называли Жизнью, зародилась цивилизация. Пять веков спустя эта цивилизация полностью развилась в царство Нехекхару.

Во времена, когда большинство прочих людей по всему миру лишь немногим отличались от дикарей, народ Нехекхары научился обрабатывать землю и содержать стада коз и крупного рогатого скота, и строил города, корабли и дороги. Величайшим из всех достижений этой наиболее древней человеческой цивилизации стало изобретение развитой письменности, основам которой, как

гласят их легенды, их впервые обучили сами боги — боги, которые обитали среди своих созданий за тысячелетие до того, как нехекхарцы построили свои первые дороги.

Сильный и гордый народ Нехекхары подчинил кочевые племена пустыни, насаждая свою культуру и верования всем, с кем соприкасался, сплавивая их в великую нацию и обращая в граждан или вассалов своих великих городов-государств. Затем нехекхарцы изгоняли со своих земель племена орков и гоблинов, пока все равнины, пустыни и горы, от западных пустынь и до восточного моря, не были подчинены различными городами-государствами великой нехекхарской цивилизации.

В самом зените своей мощи влияние правителей Нехекхары простиралось от знойных джунглей Южноземелья вдоль побережья Горького моря и легендарных Драконовых островов, через Темноземелье за горы Края Мира, захватывая всё Скверноземелье и местность, ныне именуемую Пограничными княжествами, на севере доходя аж до Сильвании. На западе нехекхарцы контролировали, либо часто посещали поселения, разбросанные по всем землям Арабии, Тилии, Эсталии и Бретоннии до изменчивых границ Лоренского леса. Никогда не существовало более протяжённой и влиятельной человеческой цивилизации, чем древняя Нехекхара, включая, по моему убеждению, и величайшую империю дальнего Востока, управляемую императором-драконом, восседающим на нефритовом троне Величественного Катая.

КАК И В НАШЕ время, величайшим из всех древних городов Нехекхары безоговорочно считался Вечный Кхемри, и первым отмеченным в летописях царём этого величественного города был Сеттра, названный Нетленным, который нанёс поражение самодержцам остальных городов-государств и подчинил всю Нехекхару своей власти и верховенству Кхемри. На всей протяжённости Нехекхары рассредоточены бесчисленные храмы, дворцы и некрополи, в которых встречаются упоминания о царе Сеттре, восхваляющие и осуждающие его в равной мере. Все свидетельства сходятся на том, что он был великим воином и выдающимся генералом, предводителем, которому не было равных в его время, а также тираном с запятнанными кровью руками — для всех, кто осмеливался подвергать сомнению его власть. А ещё Сеттра был тщеславным и жестоким человеком, которому претила собственная брэнность и тот факт, что, невзирая на все великие победы и могущество, когда-нибудь смерть отнимет у него все достижения.

И потому Сеттра начал свою величайшую, продолжавшуюся всю его жизнь кампанию, которая, как я полагаю, наглядно отражает основополагающий страх, преследующий всех представителей человеческого рода с начала времён. В гордыне и самонадеянности, Сеттра поклялся, что ни он сам, ни его труды никогда не станут достоянием смерти, и повелел своим жрецам изыскать способ обеспечить ему бессмертие на этом уровне бытия. Ибо Сеттра не видел причин его покидать и слышать не желал о загробной жизни в каком-то там мире духов, где находился бы в подчинении у богов и их служителей. Вполне понятное желание, раз уж на то пошло.

Жрецы Нехекхары значительно отличались от жалких и грубых священнослужителей Империи Сигмара нашего времени. Они были носителями тайн, переданных человечеству древними и, как мне верится, ныне давно почившими богами. Они были благочестивыми людьми, алхимиками и чародеями, фармацевтами и знатоками в области демонологии, способными подчинять низших демонов или джинов, как их именовали жрецы Нехекхары.

ПО ПРИКАЗУ СЕТТРЫ древние жрецы Нехекхары направили все свои внушительные умения на решение задачи, поставленной их царём. Десятилетиями они проводили эксперименты с химическими и магическими составами, сохраняющими плоть, а также опрашивали и допрашивали джиннов и, как гласит предание, самих богов. На протяжении всех тех лет жрецы Кхемри узнали множество секретов и совершили множество великих открытий в области алхимии и замедления губительного воздействия времени. Но величайшая из всех тайн — бессмертие — в итоге им так и не покорилась.

И вышло так, что Сеттра, который хоть и прожил долгую жизнь, продолжительностью превышающую любую обычную, в итоге оказался на смертном одре, изливая свою ужасающую ненависть на потерпевших неудачу жрецов и обещая, что если только найдётся способ дотянуться до них из-за пелены смерти, он станет преследовать жрецов, пока те сами не умрут, и будет поджидать их в другом мире. И столь велико было вызывающее страх влияние Сеттры на сердца и мысли его народа, что пришедшие в откровенный ужас жрецы поклялись своему великому повелителю продолжать свои изыскания. Он пообещал, что настанет день, когда Сеттра пробудится от смерти, чтобы, как и прежде, править своим могучим царством в неизменном и вечном теле. Сеттра повелел, чтобы Погребальный культ его жрецов продолжал существовать неограниченное время и завещал ему многие из своих земных богатств на поддержание этого существования.

После смерти Сеттры жрецы его Погребального культа продолжили свои исследования и сумели продлить собственные жизни на многие десятилетия сверх обычного срока, отмеренного человеку. Многие из царей — вассалов Сеттры со всей нехекхарской империи — потребовали для себя той же участи — пробуждения от смерти для вечной жизни в неизменном совершенстве, вследствие чего сила и

влияние Погребального культа распространились на всю Нехекхару. Когда подходило время, все цари и принцы каждого из владетельных родов при помощи малопонятных процедур и мистических ритуалов подготавливались к смерти с надеждой на воскрешение.

Сменялись новые поколения жрецов, и знания культа углублялись по мере того, как эксперименты становились всё более точными. С приходом пятого поколения жрецов был разработан способ неограниченно долго избегать смерти, однако тела жрецов с возрастом продолжали всё сильнее увядать и трескаться, придавая тем облик трупов, иссушённых безжалостными лучами солнца, но способных двигаться и говорить.

Вот так всё жречество Погребального культа стало существами, ныне известными в наиболее просвещённых кругах оккультной направленности под именем личей. Их задачей была забота о телах царей и постоянное исполнение Церемоний сохранения, и они являлись единственными гражданами городов-государств Нехекхары, которые не могли быть казнены даже по царскому указу. Со временем мощь Погребального

культа возросла настолько, что слово его часто было законом, а богатства и усилия целых царств были направлены на обеспечение целей и ритуалов культа.

Правители древней Нехекхары, ослеплённые гордыней и объединённые страхом смерти, предрасположенность к которому вызывала главенствующая тенденция в культуре, всё большее внимание уделяли своей жизни после смерти, даже ценой жизни собственных подданных. В подражание великой гробнице Сеттры, цари и принцы Нехекхары повелевали отстраивать величественные некрополи и пирамиды, в которых хранилось их богатство и которые выступали пристанищами для их душ до того момента, когда те возродятся для новой и бесконечной земной жизни. Как правило, мужья, жёны и слуги умерших царей и принцев либо умерщвлялись и мумифицировались, либо погребались живьём вместе с усопшими, равно как

личные регалии и оружие принцев и царей. Иногда, ради величайших из царей, целые фаланги их наиболее преданных стражей принимали яд, чтобы в смерти воссоединиться со своим повелителем и продолжать оберегать его до момента воскрешения.

Обычай мумификации и построения гробниц настолько распространился в обществе, что каждый из тех, кто мог себе сие позволить, большую часть своего мирского имущества тратил на подготовку к загробной жизни. Жрецов Погребального культа такое положение дел лишь радовало, поскольку возрастала их собственная важность и власть над нехекхарским обществом.

Вскоре в пустыне подле каждого города возникли протяжённые некрополи, подлинные города мёртвых, и по прошествии лет эти города становились крупнее самых значительных поселений живых.

В А СВОЮ ДОЛГУЮ жизнь я столкнулся с множеством трудностей и победил многих выдающихся и внушающих страх противников. Мне довелось испробовать вкус победы и дрожать в ледяных объятиях поражения. Благодаря всему этому возрастали мои знания, как о самом себе, так и об окружающем мире, и теперь, собственно, я не испытываю страха перед злом, которое может мне повстречаться. В этом мире существуют те, кто способен повредить мне и, возможно, даже уничтожить моё бренное тело, и хотя я остерегаюсь этих людей и сил, я не могу сказать, что испытываю перед ними страх, ибо страх иррационален и неконтролируем. Я же полностью контролирую себя. Проклятие паранойи и самообмана, которое поразило многих моих соплеменников, меня миновало, и потому я не испытываю страха.

И хотя сие правда, есть одно существо, которое внушает мне ужас, одно существо, возвращения и суда которого я страшусь, как ничего иного. Того, кто по истории, мифам и легендам известен под именем Нагаш.

Говорят, что с того момента, как он достаточно повзрослел, чтобы понимать подобные вещи, Нагаш был одержим смертью. Он блуждал по городским некрополям и прятался в древних гробницах великих царей, где он мог наблюдать жрецов Погребального культа, делающих подношения и выполняющих продолжительные ритуалы, назначением которых было поддержание души погребённого царя. А если Нагаш не находился в тех гробницах, то наблюдал за ранеными и больными, следя, как искра их жизни медленно угасает, а затем за гробовщиками, пока те готовили умерших к погребению. И в какой-то момент своей юной жизни Нагаш решил не умирать никогда.

Лишь на нескольких из древних монументов Нехекхары упоминается имя Нагаша или его деяния. Древние верили, что вычеркнув его имя и память о нём из истории, они тем самым смогут отказать ему в бессмертии и предать забвению. Вполне очевидно, что это не сработало.

Немногие разрозненные реликты, где упоминается Нагаш, свидетельствуют, что тот был братом кхемрийского царя Тхутепа, а также по праву пользовался властью и уважением, как самый молодой главный жрец в истории Погребального культа Кхемри. Одержимость Нагаша паранойей была такова, что его пугало и раздражало существование того, чья светская власть превосходила его собственную, хоть этой персоной был его любящий брат. В действительности, Нагаш настолько сильно жаждал заполучить царский трон, что одной судьбоносной ночью он опол своего брата и схоронил его заживо в стенах великой пирамиды царя Кхетепе, их покойного отца.

И вот, примерно 4500 лет назад, во времена Третьей династии Кхемри, после столь внезапно оборвавшегося правления Тхутепа Законодателя, Нагаш был коронован царём-жрецом Кхемри, и никто не осмелился ему воспротивиться.

Уже посвящённый в тайны Погребального культа и его неумирающих жрецов-личей, Нагаш не был удовлетворён несовершенством бессмертия, даруемого сим тайным знанием, ибо, хотя жрецы культа

способны существовать неограниченно долго, их древние иссушенные тела были слабыми и хрупкими. Хотя они не могли умереть по естественным причинам, их мог убить тот, кому хватало решимости на подобное дело, что доказал себе сам Нагаш, стоя над высохшим трупом своего бывшего учителя и руководителя, последнего верховного жреца. Так вышло, что Нагаш вместе с Аркханом, своим главным приспешником и визирем, принялись осуществлять ещё более чудовищные эксперименты в своём стремлении к бессмертию.

Однако успех был довольно ограниченным. Чародейство у древних нехекхарцев сдерживалось религиозными обрядами и тысячами предубеждений, а истинная сущность магии и способы её наилучшего применения были им неведомы.

Но настал день, когда всё изменилось. По приказу, отданному Нагашем всем вассальным царствам Нехекхары, из северного города Зандри прибыла дань в виде многих сотен рабов, необходимых Нагашу для строительства собственной пирамиды, которая станет его дворцом и пожизненным местом пребывания, ибо умирать он не собирался. Среди рабов оказалась поистине редкая добыча — клетка с тремя высокими бледными друкаями, находящимися в бессознательном состоянии. Народ Нехекхары практически не сталкивался со старшими расами и знал о них лишь из легенд и различных страшных историй из таких царств, как Зандри, который располагался в устье реки Жизни. Хотя зандрийцы в точности и не знали, кто такие друкаи, они давно страдали от набегов пиратов-работорговцев из холодных земель Наггарота.

Та сильно опоенная троица, что возлежала в отправленной в Кхемри клетке, после свирепого шторма была найдена выброшенной волнами на берег неподалёку от города Зандри. Вместо того чтобы убить их и похоронить тела, что было обычной его политикой, царь приказал опоить друкаев концентратом Чёрного лотоса, и пока те находятся без сознания, сковать цепями из крепчайшей бронзы и отправить в Кхемри в качестве

«подарка». Поступок этого царя привёл к гибели всю Нехекхару.

Более десятилетия Нагаш держал этих трёх пленников в различной степени алкогольного или наркотического опьянения, слишком опасаясь предоставить тем возможность полностью прийти в чувство. Всё это время он подвергал их жесточайшим пыткам и самым изощрённым допросам, которые был способен выдумать его разум, с единственной целью изучить всё, чему они способны его обучить в отношении собственного легендарного чародейского искусства. Из нехекхарских легенд было хорошо известно, что мастерство друкаев в магии находится далеко за пределами возможностей любого из людей. Тот факт, что Нагаш добровольно пошёл на такой риск, является свидетельством его амбиций, потому как одна из плённых друкаев была не кем иной, как колдуньей этой крайне вредоносной расы.

Основы своих знаний о колдовстве Нагаш получил от неё, но, хотя его

понимание способов чародейства стократно возросло после общения с друкаями, оно все ещё не было совершенным. Ради его безопасности, колдунья и два её спутника оставались в наркотическом дурмане, чтобы не дать им возможности собраться с чувствами и уничтожить Нагаша, но даже в таком угнетённом состоянии друкаи демонстрировали устойчивость к пыткам. И, тем не менее, теперь своими знаниями о путях и средствах магии и сплетения её в заклинания Нагаш далеко превосходил какого бы то ни было человека-чародея в Нехекхаре.

Он изучил, что создание магических эффектов не находится в зависимости от вымаливаемого посредничества богов и джиннов, как того требует в значительной степени ритуализированное чародейство нехекхарского жречества. Он узнал о ветрах магии, дуновением которых пронизан мир, и как эти ветра могут быть преобразованы в источник силы друкаев — Дхар или чёрную магию. Он узнал о важном значении крови, как носителя жизненной энергии магии, и о том, как ведьмы в далёких землях Нагарота обретают силу и сохраняют молодость, купаясь в жертвенной крови с добавлением определённых чар. Наконец, он узнал про обсидиан и странный ослабляющий эффект его воздействия на магию.

Как только Нагашу стало ясно, что ему более ничему не научиться у колдуньи, спутники которой уже были убиты, он изувечил друкайскую ведьму, выколов ей глаза обсидиановым кинжалом, отрезав язык, ноги и руки, и надел на её голову специально изготовленную маску позора, полностью проклёпанную обсидианом. Надругавшись подобным образом над друкайкой, довольный Нагаш замуровал её живой вместе с трупами спутников в одном из залов Чёрной пирамиды, которую приказал выстроить в свою честь.

Нагаш экспериментировал со своими новыми познаниями, сочетая знания, полученные от друкаев, с богатым опытом, уже накопленным жрецами Погребального культа. Его эксперименты принесли некоторый успех, и ему удалось получить магический эликсир,

который мог увеличивать продолжительность жизни без ослабляющего воздействия разложения, которому подвергались жрецы-личи. Вскоре его открытие было позволено разделить последователям, привлечённым из Погребального культа, наипервейшим из которых являлся Аркхан.

Нагаш и его последователи долго и упорно практиковались в своём чародейском искусстве, изыскивая более надёжные способы создания и применения чёрной магии, чем те, что были открыты ему друкайской колдуньей. Всего лишь по прошествии десятилетий их чародейские способности были вне конкуренции со стороны жрецов-личей любого из городов Нехекхары. Они прекратили поклоняться традиционным божествам Нехекхары, начав считать себя почти богами, а население Кхемри лишь движимым имуществом, которым вольно распоряжаться по своему усмотрению, будь то строительство выдающихся монументов в честь достижений их господина или живой материал для их чародейских экспериментов.

По мере того, как года складывались в десятилетия, а те обращались в столетия, Нагаш и его последователи всё более замыкались в себе, редко покидали Кхемри и не интересовались происходящим за его границами: и сложилась ситуация, которая обернулась для них катастрофой. Чёрная пирамида Нагаша в итоге была достроена, и он с последователями освятил её своим тёмным волшебством. Впредь с этого момента она сделалась проводником ветров магии: те попадали внутрь, связывались воедино и заполняли под пирамидой огромное хранилище чёрной магии, наиболее могущественной и эффективной из всех видов магии.

Однако создаваемая и сохраняемая в пирамиде Нагаша чёрная магия вызывала у всех людей и животных на много лиг вокруг заболевания неестественными недугами тела, рассудка и души. Для царей прочих городов, долгое время беспокоимых событиями в Кхемри, такое положение дел стало недопустимым. Царь Лахмиззар из

приморского города Ламия побудил царей Зандри, Нумаса, Махрака, Либараса и Разетры объединиться с ним в великий союз против Нагаша и отправить свои армии на войну с тем, кто короновал себя вечным царём-жрецом Кхемри.

За время последовавшей долгой войны были убиты многие тысячи нехекхарцев. По стране прокатывались волны чёрной магии, и некоторые оазисы стали настолько пропитанными ей, что впоследствии люди даже их избегали. Война против Нагаша и его последователей была столь затяжной, что царь Лахмиззар не дожил до её окончания, и отцовские знамёна в войне с Кхемри поднял его юный сын Лахмиззаш. По прошествии ещё тридцати лет военных действий, продолжавшихся с переменным успехом, армии Лахмиззаша в итоге одержали победу над Нагашем.

Сказывают, что Нагаш, окружённый в Кхемри со своими немногочисленными

слугами, скрылся в холодных глубинах своей Чёрной пирамиды, и, обернувшись лишь единожды, на самом верху лестницы из тысячи ступеней, которая вела в раскинувшуюся внутри тьму, он поклялся, что восставшие против него цари обратятся в прах, в мельчайшую пыль, равно как их города и народы.

Последователи Нагаша, прикрывавшие его отступление, один за другим были повержены, обезглавлены и преданы огню объединившимися против них армиями. Выжившие в войне цари разрушили все труды Нагаша, удалили его имя и письменные свидетельства его деяний с множества монументов Кхемри, пытаясь устранить из истории все упоминания о царе-еретике. Но за исключением помещений, где проводились оккультные эксперименты, не было обнаружено никаких следов самого Нагаша: пирамида, в которой он скрылся, оказалась пустой.

ЗДЕСЬ ПРИВЕДЕНЫ НЕСКОЛЬКО строк первой из Девяти книг Нагаша, написанных самим великим некромантом, которые я перевёл на современный рейкшпиль.

Я скитался по пустыне, ворло моё иссушала жажда, желудок сводило от голода. Жуткие видения плясали перед моим взором, и больше всего на свете я боялся, что саину в этих сияющих песках, ибо ни одно из моих заклинаний и даже благословение моего эликсира не даровали истинного бессмертия. До сих пор я отвергаю свою судьбу. Смерть приходила ко мне и даже завладела мной, вынудив скитаться по серым потусторонним мирам, пока я не отыскал я дорожку назад и свою усыхающую телесную оболочку. Я занял своё тело и направил его вперёд, всё дальше и дальше от ненавистного Бхемира, через нескончаемые бесплодные Солёные равнины и лежащие за ними гибельные топи. В конце концов я оказался у подножия Восточных гор и у основания Шкалеченной вершины.

Расколотая дора вздымалась от побережья Кислого моря. В меня были лишь смутные знания о регионе, потому как мало кто бывал здесь прежде и сообщал об этом. Говорят, что в древние времена могучий джинн нырнул с небес и врезался в вершину, расколов её и повурзавшись в недра горы, где и осталось его тело. Ая протяжению столетий дождь и ветер вымывали засохшую кровь и медленно разлагающиеся останки в водоём, ставший известным под названием Кислое море, отравляя его воды и трансформируя уцелевших при этом рыб и аэдох.

Я знал, что умер на Солёных равнинах, и занимаемое мной тело является лишь разлагающейся оболочкой, но я по-прежнему распоряжался им, хотя моя связь с ним и контроль оставляли желать лучшего. Если контроль был слаб, оно не реагировало, и возникало ощущение, что я отдаляюсь от мира смертных. Если же связь была чересчур крепкой, то его плачевное состояние начинало сказываться на мне, и я ощущал жуткую боль истязаемых и умирающих мышц, и безумие похищающего мозгов. Именно в такой момент, когда всей своей волей я цеплялся за своё тело, оно скатилось возле исторченных вод Кислового моря. Прежде чем я осознал происходящее, инстинкты моей смертной оболочки взяли верх, и я обнаружил, что албюкими и жадными алотками пью из моря.

Тогда я впервые отведал воду Кислового моря, яркие видения пронеслись через мой мозг, и первоначальная энергия хлынула в мои заветшие вены. И тогда я почувствовал, что мой контроль над телом стал совершенным, словно все потребности и слабости оно выжала выпитая мной вода. Я осознал, что наконец-то нашёл то, что разыскивал. Тут было всё, что мне необходимо...

В своей книге Нагаш продолжает описывать, как он провёл годы, влача жизнь отшельника в пещере у подножия Искалеченной вершины, размышляя над сущностью бессмертия и потусторонних миров, черпая мудрость из глубокого колодца собственной души, освобождённой от забот и тисков плоти. По прошествии времени он выяснил правду о легенде про упавшего джинна, который, как предполагалось, уничтожил вершину, и обнаружил, что то была некая таинственная скала огромного размера, пронизывавшая гору — скала из вещества колоссальной сверхъестественной силы. Нагаш опознал это вещество: в те времена суеверные люди именовали его искривляющим камнем — наичернейшим из эфиров, каким-то образом принявшим твёрдую материальную форму.

Нагаш обследовал систему пещер, которая пронизывала Искалеченную вершину, пока не обнаружил глубоко под горой слабо светящееся озеро, внутри которого залегала огромная масса искривляющего камня. Чувствуя, что сие вещество станет ответом на все его вопросы, для усиления собственных способностей Нагаш принялся пить светящуюся воду этого озера и даже использовал истолчённые в порошок кусочки искривляющего камня в качестве понюшки, либо смешивал его с некоторыми травами с целью повысить остроту мысли в предпринимаемых мистических исследованиях. Имея в распоряжении столь много концентрированной энергии, Нагаш оказался способен призвать куда более могучих джинов или демонов, подчинить их своей воле и принудить раскрыть ему тайны жизни и смерти, и то, каким образом избежать неумолимого притяжения потусторонними мирами души смертного, освободившейся от тела. Потому как смерть по-прежнему оставалась единственным, чего боялся Нагаш, и самой ненавистной мыслью среди прочих для него было то, что однажды он предстанет пред судом богов и демонов в потусторонних мирах.

Неумолимо проходили годы, и ужасные последствия постоянного употребления искривляющего камня сказывались на не вполне живом, но и не вполне мёртвом теле Нагаша. Он описывал, как ссыхалась и

трескалась его кожа, местами становясь полупрозрачной и выставляя напоказ мышцы и вены. Глаза утратили форму и превратились в лужицы светящегося гноя, располагающиеся в глазницах. Ногти отросли и превратились в твёрдые как алмаз когти, с помощью которых он мог выцарапывать куски искривляющего камня из застывшей вокруг озера грязи. Все характерные для тела смертного признаки исчезли, однако под действием непреклонной воли и мощи его искусного колдовства, душа Нагаша ещё крепче была привязана к телесной оболочке. Он оказался за пределами досягаемости смерти, к чему долго стремился, полностью сделавшись нежитью — не совсем живым и не совсем мёртвым.

В О ВРЕМЯ ЭТОГО длительного периода Нагаш значительно продвинулся в создании собственной разновидности чародейства, которое стало гибридом обрядовых заклинаний Погребального культа и колдовства, изученного им у друкаев. Эта новая разновидность, которая получила название некромантия, была и остаётся волшебством вечной жизни и управления смертью, путём к бессмертию, неподвластным капризам демонов и богов. За годы своего отшельничества Нагаш усовершенствовал те заклинания, которыми, хоть и в более упрощённой форме, пользуются все последующие некроманты. И потому Нагаш был, есть и навсегда останется Великим некромантом.

Ночами, при свете полной луны Хаоса, Нагаш спускался к могильникам примитивных племён, населявших окрестности Искалеченной вершины, чтобы попрактиковаться в новоявленном искусстве. Все убежали, увидев его, а тех немногих воинов и шаманов, которые осмелились ему противостоять, он убивал своим словом. Одну за другой он вскрывал могилы этих людей и оживлял

находящиеся внутри трупы способом, явившимся упрощением того, который применялся для оживления кхемрийских каменных ушабти: но поначалу без особого успеха. Человеческие останки оказались значительно слабее зачарованного камня ушабти, и было сложно подобрать идеальный баланс Дхар, чтобы оживить их и внушить простейшую задачу. Первые делали лишь несколько спотыкающихся шагов, прежде чем рухнуть замертво под губительным воздействием принуждающей силы. По мере совершенствования Нагашем контроля увеличивалась продолжительность оживления этих трупов и скелетов, пока не настал момент, когда Нагаш смог оживлять их на неограниченное время всего лишь усилием мысли.

Пыль искривляющего камня мало чем могла повредить этим уже мёртвым, но оживлённым трупам, и потому Нагаш поставил их на раскопку пещер под Искалеченной вершиной и возведение каменной башни, которая стала основой того, что позднее стало Нагашиззаром, иногда именуемым Проклятой ямой, возможно, величайшей из когда-либо построенных крепостей.

Имея потребность в большем количестве слуг для претворения своих замыслов, Нагаш отправил сотни мертвецов на захват и порабощение примитивных племён, которые обитали на берегах Кислого моря и погрязли в его скверне. Этих вопящих и брыкающихся смертных с болезненного вида лицами волокли на алтарь Нагаша, чтобы вырвать сердца, прежде чем их лишённые душ оболочки восстанут для вечного служения новому бессмертному повелителю.

Не способные сопротивляться его магии, племена стали поклоняться Великому некроманту, как богу, посылая в башню Нагаша в качестве подношения своих наиболее здоровых дев и юношей. Подобное поклонение, возможно, подействовало на честолюбие Нагаша, ибо он решил пощадить многие племена, насадить им цивилизацию, наиболее соответствующую его потребностям, и создать единую нацию, существование которой полностью сводилось к подчинению любой его прихоти.

За два столетия Нагаш стал абсолютным повелителем могущественного, раскинувшегося вдоль побережья Кислого моря царства, в котором хорошо

вооружённые нагашиты (те смертные мужчины и женщины, что поклонялись Нагашу, как живому воплощению бога) несли службу наряду с оживлёнными останками своих мёртвых соплеменников и предков. Шахты под башней Нагаша представляли собой разветвлённую сеть, протянувшуюся в недра горы. Защитные сооружения вокруг башни разрастались подобно раковой опухоли в теле умирающего, пока не протянулись почти на лигу в каждом направлении. Так был образован город-крепость Нагашиззар, неприступный оплот, лаборатория алхимии, библиотека чародейских искусств и место поклонения тяге к земному бессмертию и обессиливанию всех богов и демонов, ибо те стремятся контролировать и поглощать души смертных.

Нагашиззар стал столицей возможно самой слепо подчиняющейся человеческой нации, какую только видел мир. В сердце этой цивилизации, словно паук в центре паутины, Нагаш занимался исследованиями и проводил эксперименты, по-своему воспринимая всё то, что передавали органы чувств тысяч

его оживлённых слуг, позволяя быть почти полностью осведомлённым о происходящем в его владениях. Даже в своём неприступном оплоте, до которого не было дела большей части мира, Нагаш без врагов не остался.

У Искалеченной вершины, привлекаемые искривляющим камнем, словно мотыльки на свет, появились крысоподобные зверюды, которых нынешние имперские учёные именуют скавенами. Вся цивилизация крысоллюдей основывается на искривляющем камне, и их предводители — совет из тринадцати чародеев, полководцев и жрецов — требовали от своих слуг завладевать им везде, где бы тот не находили. Они ворвались в шахты под Искалеченной вершиной и попытались захватить крепость тем же способом, как незадолго до того захватили множество могучих караков-крепостей гномьего народа. Однако Нагашиззар оказался куда более твёрдым орешком.

И на поверхности царства Нагаша, и под ней, скавены выступили на войну, осадив Нагашиззар с помощью своих ужасных и необычных военных механизмов. Им противостояли армии Великого некроманта и его практически идеальное искусство некромантии. Скавенов встретили не знающие усталости легионы оживлённых трупов и скелетов, а также фанатичные люди, страх которых перед тёмным воплощением их бога был сильнее страха смерти.

На протяжении десятилетий в тёмных недрах под цитаделью происходили ожесточённые стычки. Хотя численностью скавены во много раз превосходили противника, им не удавалось разбить Нагаша, а потому война завершилась кровавой ничьей. У Нагаша были иные планы, а скавены стали помехой в том, что он считал своими первоочередными задачами, и потому с Советом Тринадцати было заключено соглашение. В обмен на содействие в захвате тысяч рабов, Нагаш

стал снабжать Совет добываемым из Искалеченной вершины искривляющим камнем. Крысолюди хотели совсем не этого, однако сие было лучше продолжения безрезультатной войны с неясным исходом, и они согласились.

Добыча искривляющего камня велась интенсивно и непрерывно, и его пыль настолько пропитала землю и воздух вокруг Нагашиззара, что почти всё живое начало заболеть и погибать. Из почвы пыль попадала в корневую систему поражённых растений, а затем в тела питающихся ими животных. Со временем она скапливалась в телах людей, употреблявших заражённые продукты питания и значительно сильнее испорченную воду горных ручьёв и глубоких колодцев.

Хотя в своих записях Нагаш отмечает, что его не особо беспокоили тяготы его вассалов, он описывает, каким образом целый народ нагашитов начал заболеть и исчезать. Мутации стали ещё более обычным делом, равно как и материализация в насыщенном магией воздухе разнообразных духов и демонов. И хотя сам Нагаш обладал иммунитетом к нападениям демонов и ужасам, навеваемым бестелесными духами, он замечал, что его смертные служители таковым обделены. Необходимо было что-то делать, чтобы зависимость от него цивилизация полностью не исчезла или хуже того, не поддавалась искушениям

демонов-богов.

А потому Нагаш задумал план по искоренению в его смертных рабах слабости, накладываемой идентичностью и самосознанием. Начав с наиболее сильно затронутых болезнью городов, Нагаш повелел своим вассалам в качестве способа ритуального поклонения своему повелителю поедать живьём старых и немощных из числа соплеменников, равно как и тела недавно скончавшихся, пока те не успевали остыть. И хотя сочетание необработанного искривляющего камня с ещё живой кровью вело к увеличению деградации тела и разума у тех, кто принимал участие в этих тёмных пиршествах, эти каннибалы более не погибали от воздействия губительной пыли искривляющего камня, даже если вымирало всё живое в округе. Вскоре происходила утрата ими личности, и толерантность к ужасным и неестественным деяниям тысячекратно усиливалась.

По прошествии лет вся территория вокруг Нагашиззара лишь немногим отличалась от мерцающей, населённой призраками пустыни, единственными живыми обитателями которой были кочевые кланы дегенератов и каннибалов, едва похожих на людей. Великого некроманта сие не беспокоило. Живые или мёртвые, дегенераты или нет, но так или иначе местные смертные служили лишь ему.

ПТРИНЬТЕ ВАШИ ГЛУПЫЕ мысли о «загробной жизни». Для вашей души нет спасения за пределами этого бренного мира. После смерти ваша душа будет либо поглощена демоном или богом, либо будет пребывать в бессознательном забвении в царстве Хаоса. Царство Морра — это вымысел. Души, которые не утянет в эфир, дабы быть поглощёнными обитающими там силами, остаются в этом мире, существуя в том же самом месте и времени, как и мир смертных, но в полностью нематериальном виде.

Таким образом, то, что люди именуют «призраками», в действительности представляет собой души и частицы душ умерших смертных. Несомненно, что вследствие воздействия проклятий, заклинаний, близости мощных магических предметов, притяжения искривляющего камня или невероятно сильной воли (как в случае Нагаша) их пока не утягивает из мира смертных, и они продолжают существовать в форме прозрачных нематериальных «призраков».

Разумеется, присутствие этих практически неосязаемых и жалких сущностей в мире смертных возможно лишь благодаря существованию ветров магии: похожий способ применим и к демонам Хаоса, хотя, чтобы душа

смертного оставалась в этом мире, затрачивается меньше энергии, чем для материализации демона.

Когда усиливаются ветры магии, проносящиеся по миру, наиболее цельные духи, оказавшиеся в плену мира смертных, иногда материализуются в виде привидений, призраков, полтергейстов и прочих злобных существ из народных сказаний. Пред взором тех, кто способен видеть царство духов, существующий как невидимая часть мира смертных, предстаёт пространство, которое населяют духи усопших смертных и эфирные отголоски прочих умерших созданий, вроде животных и иногда даже растений, хотя такое случается редко. Опять же, сие лишь иной способ восприятия и взаимодействия с миром смертных, ибо это царство от него неотделимо. Боги и демоны могут взаимодействовать с обоими аспектами материального мира смертных, однако воздействовать на нематериальный аспект им значительно проще, потому как его существование зависит от пронизывающей мир магии.

Таким образом, царство духов, о котором иногда упоминают некроманты и всевозможные прорицатели, в действительности представляет собой мир смертных, но наблюдаемый посредством «спиритического зрения». Лишь те, кто обладают спиритическим зрением от рождения, могут наблюдать перемещения магии по миру, и лишь обладатели спиритического зрения способны взаимодействовать с духовным аспектом реальности. Однако же, этот мир внутри мира столь безнадежно кошмарен, что способен свести с ума кое-кого из обладающих подобным даром людей, чей рассудок слаб.

Для большинства смертных, тем не менее, мир духов полностью незаметен, а обратное справедливо, по большей части, и для обитателей мира духов. Преобладающее отсутствие взаимного восприятия между материальным и нематериальным в мире смертных одинаково затрагивает как живых, так и мёртвых. Равно как подавляющее большинство живущих смертных никогда не замечает, не чувствует и не воспринимает каким бы то ни было способом большинство находящихся

вокруг них духов, фрагментов душ и эфирных отголосков, так и духи, фрагменты душ и эфирные отголоски не видят, не чувствуют и не воспринимают окружающий их мир смертных.

Однако и по ту, и по эту сторону раздела встречаются исключения. Некоторые из живущих смертных способны иными способами воспринимать окружающий мир духов — в особенности некроманты, почитатели Шайиш, вампиры, жрецы-личи, — а некоторые из наиболее могущественных и целостных духов способны ощущать окружающий их материальный мир. Подобно самому Нагашу мы, вампиры, с одинаковой лёгкостью можем воспринимать как духовный, так и материальный аспекты мира смертных. Из всех вампиров, как я полагаю, лишь безумные потомки В'Сорана стали всё менее и менее отчётливо воспринимать материальный аспект мира, пока он не сделался для них почти подобным размытой тени. Но при этом духовный аспект мира смертных становился для них всё более отчётливым. Вполне возможно, что некоторые из старейших и наиболее безумных представителей династии В'Сорана смогли

дойти до состояния, при котором вместо материальных вещей видят лишь ветры магии, духов, ауры и тому подобное.

Это может означать, что они по-прежнему способны видеть всё, что доступно смертным, но крайне специфическим образом. Вероятнее всего, некрарх вместо физической оболочки любого живого существа видит его духовное «я», а вместо физической, материальной составляющей таких вещей, как крепости, наблюдает эфирные отголоски. Иногда говорят, что некрарх перемещается в мире духов, взаимодействуя с материальными предметами мира смертных, но воспринимает подобное взаимодействие весьма специфически.

Я склоняюсь к тому, что записи в книге Нагаша о его смерти во время скитаний по пустыне и блуждании в мире духов свидетельствуют о том, что его душа действительно могла покинуть тело незаметно для него самого и блуждать по мёртвому пространству духовной составляющей мира смертных, пока не отыскала дорогу назад и снова не заняла тело — не живое, но и не по-настоящему мёртвое.

У ДРЕВНИХ НЕХЕКХАРЦЕВ было более сложное и замысловатое представление о сущности души, чем у современных учёных и священнослужителей Империи. В то время как жрецы Сигмара говорят о анима и анимус, сущности и энергии души, нехекхарцы не верили в столь простое двуединство. Многословные рукописи „*Магисторум Хаотики*“ описывают душу в виде триады: Кейос — духовная энергия или магия в чистом виде; Фейос — бессознательная и не наделённая восприятием внутренняя сущность; Дейос — некий вид духовного сознания, нематериального, но, тем не менее, являющегося посредником между внутренними областями мышления и внешними областями физического мира.

Жрецы-личи, в свою очередь, писали, что каждое разумное, обладающее самосознанием существо состоит из семи различных, хотя и связанных элементов:

Кха — физическая или смертная оболочка. Тело. Туша.

Ка — эго, разумная и абстрактная мысль.

Ба — подсознание и эмоции.

Аб — совесть или понимание, что есть «правильно» и «неправильно». Считалось, что Аб — это также возможность и свобода выбора между правильным и неправильным.

Секхем — сама жизненная сила, движитель, огонь души или энергия эфира.

Рен — истинное имя индивидуума, уникальное для каждого существа. Рен можно описать, как «представление» или «понятие» о конкретной личности. Символ «я» и индивидуальности. В некотором смысле, Рен личности формируется не только самой личностью, но и впечатлением, производимым ей на вселенную. Это сложная концепция, но достаточно отметить: нехекхарцы верили, что уничтожение Рен живого существа

ведёт к уничтожению памяти о существовании по его смерти и тем самым аннулирует всё, что личность совершила в своей жизни.

Кхаибит — тень. Нехекхарцы верили, что тень является естественным результатом физического существования и признаком бренности. Потому всё, что имеет тень, может быть уничтожено или, по меньшей мере, оно подвержено влиянию времени.

Таким образом, по определению жрецов-личей Нехекхары, душа называется *Акху* и является бессмертной бестелесной личностью, которая представляет собой сочетание Ка, Аб, Ба, Рен и Секхем, навечно объединённых в загробной жизни. Со времён Сеттры жречество, которое образовало Погребальный культ, знало, что Акху совсем необязательно остаётся целой и невредимой после смерти, ибо существует множество богов и демонов, которые стремятся поглотить её части или даже всю целиком.

Поэтому жрецы-личи направили все свои усилия на поиски способа привязать Акху к Кха — смертной оболочке, — чтобы после смерти она не распалась и не была поглощена. Они понимали, проблема в том, что смертная оболочка всех некогда живых существ со временем разлагается, и хотя посредством сохраняющих заклинаний и обработки тела алхимическими составами его распад замедляется, ничто в действительности не может остановить влияние времени. Это не соответствовало обещаниям, которые жрецы-личи столетиями давали царям Нехекхары о том, что те после смерти воскреснут в нетленных телах с неповреждёнными душами и рассудком.

От приневоленных демонов или джиннов жрецы-личи узнали, что сущности из потусторонних миров, подобно самим демонам, часто обретают телесную форму при материализации в мире смертных. Тела эти полностью пригодны для вселения Акху, несмотря на тот факт, что ни один из демонов не был рождён в мире смертных и потому не имел подлинной смертной оболочки или Кха.

Для различия с Кха, жрецы-личи стали именовать это материальное тело демона Саху. Они видели в нём нетленное и богоподобное вместилище для наиболее развитых и могущественных Акху, которое материализуется лишь в случае призыва подобной Акху в мир смертных. Тем не менее, как установили жрецы-личи, Саху полностью зависимо от эфира и без внушительных чародейских усилий не способно самостоятельно поддерживать себя в мире смертных на протяжении длительного времени.

Как я уже упоминал ранее, жрецы Погребального культа обладали достаточными знаниями для связывания души Сеттры с его телом после смерти, но в тот момент не имели знаний и навыков, которые позволили бы душе Сеттры оживить его тело, либо сохранили бы само тело от разложения. Со временем жрецы-личи обнаружили способы связывания своих душ с собственными материальными телами, пока поддерживалось сознание и способность управлять телом. Однако даже этого

оказалось недостаточно. Жрецы понимали, что хотя теперь находятся вне досягаемости естественной смерти, их тела становятся высохшими и ломкими, подобно ссохшимся останкам мумий, а кроме того, они всё ещё могут быть уничтожены иными способами.

Их целью, равно как и стремлением Нагаша, которое сделало его тем, кем он стал, было отыскание способа создания нетленного и вечного Саху, которое было бы способно навсегда остаться в мире смертных. Однако, за исключением Нагаша, этого не добился ни один жрец-лич. С помощью силы воли, виртуозного владения магией и поглощения огромного количества искривляющего камня Нагашу удалось создать для себя устойчивую физическую оболочку. Даже если это тело подвергалось уничтожению, то постепенно восстанавливалось, и душа Нагаша при этом не отправлялась в эфир. Пока эта физическая оболочка служила целям Нагаша, его никак не заботил её внешний вид.

ЗА СТОЛЕТИЯ, ПРОШЕДШИЕ с момента его изгнания из Нехекхары, Нагаш не забыл обещание, данное царям его бывшей страны, и собирался отомстить им вне зависимости, потребуются ли на то столетия или тысячелетия. Помимо того, среди потомков своих бывших врагов Нагаш нашёл себе самых выдающихся и наиболее могущественных служителей.

В своих странствиях по Нехекхаре и, в немалой степени, во время продолжительного пребывания среди развалин Ламии, проведённого за изучением иероглифов её главного храма, множества монументов и дворцов, я уяснил многое из ранней истории моего вида. Похоже, что пока Нагаш правил в Кхемри, Ламия представляла собой всего лишь отдалённый провинциальный город-государство нехекхарской империи. Этот регион значительно пострадал от тиранического правления Нагаша, и здесь началось восстание, повлекшее его свержение. Под предводительством царя Ламии Лахмиззара все прочие вассальные царства Нехекхары, а впоследствии даже значительная часть населения самого Кхемри, подняли восстание против Нагаша и его великого визиря Аркхана. После смерти Лахмиззара и нескольких лет войны с царём Лахмиззашем Нагаш наконец добился успеха в сопряжении колдовства, которому он обучился у своих пленников-друкаев, с усовершенствованными вариантами ритуальных заклинаний Погребального культа и выместил свою ярость на врагах новым и ужасным способом.

Хотя с тех пор как Ламия впервые развязала войну против Кхемри, ушабти множества храмов Кхемри неоднократно пробуждались для сражения за свой город, Нагаш обнаружил способ задействовать самую тёмную магию в ритуалах, используемых для оживления ушабти. Великий некромант напитал некогда священные статуи чёрной магией, чтобы сделать их более мощными,

эффективными в бою и ужасными на вид, чем прежде, вследствие чего они выглядели и действовали скорее как демоны, чем как малые воплощения древних богов Нехекхары.

Для большей части населения и солдат Кхемри это оказалось последней каплей, и те поднялись против Нагаша внутри Кхемри, в то время как армии Ламии и других городов-государств подступали снаружи. Завершающее сражение объединённого народа Нехекхары с Нагашем, Аркханом, прочими послушниками жрецов-личей и искажёнными ушабти произошло вокруг Чёрной пирамиды. Хотя Нагаш каким-то образом сумел улизнуть, использовав свои силы, его пирамида была осквернена, а послушники убиты и их тела преданы огню.

Зачистка Кхемри оказалась незавершённой. В то время как Лахмиззаш вёл переговоры об окончании военного союза с царями Зандри, Нумаса, Махрака, Либараса и Разетры и воцарении на престоле в качестве царя Кхемри и императора всей Нехекхары, от уничтожения были спасены свитки, в которых содержались многие из величайших открытий Нагаша.

Нагаш загодя приготовился к тому дню, что стал днём его поражения. Почти за десятилетие до того, как Лахмиззар начал войну с Кхемри, Нагаш организовал мнимое изгнание жрецов Погребального культа из Кхемри. Нагаш объявил жрецов изменниками, и те, казалось бы, едва сумели уберечь свои жизни от его гнева, сбежав как можно дальше — в прибрежную Ламию.

В действительности, эти жрецы были подосланными Нагашем шпионами, ибо тот уже почуял ветер недовольства его правлением Нехекхарой, усиливающийся в Ламии.

Со временем В'Соран, наиболее старый и мудрый из тех жрецов-личей, которые, по общему мнению, восстали против Нагаша, сумел втереться в доверие царского двора Ламии. Он стал доверенным советником Лахмиззара, а затем Лахмиззаша, а также стал наставником Нефератем (имя которой

означало Прекрасное Солнце), единственной дочери Лахмиззаша и наследницы трона Ламии. Таким образом, последующая участь Ламии и её царского двора была предreshена, ибо В'Соран был вторым по значению — после Аркхана — последователем Нагаша в Погребальном культе Кхемри.

Под влиянием В'Сорана у Нефератем возникла неутолимая любознательность ко всему мистическому. Её любознательность держалась втайне, потому что женщинам, не состоящим в жречестве, было запрещено изучать тайные мистерии этого мира и мира загробного. И пока её отец держал совет с другими царями Нехекхары, В'Соран легко смог уговорить Нефератем отдать приказ выкрасть некоторые из записей Нагаша и сберечь от очищающего пламени. Свитки были помещены в сундук из кварца и в качестве военных трофеев отправлены в Ламию, наряду с тысячами прочих артефактов, рукописей и статуй.

В итоге совет царей Нехекхары дал согласие на то, чтобы Лахмиззаш остался в Кхемри в качестве царя этого великого города и императора Нехекхары. Его дочь, которой тогда было двадцать четыре года, со

своими доверенными советниками возвратилась в Ламию, которой правила в качестве царицы. Впоследствии Лахмиззаш взял себе другую жену из одного из немногих благородных семейств Кхемри, избежавших уничтожения Нагашем, и родил сына и наследника трона Кхемри.

ПРАЗУ ЖЕ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ в Ламию Нефератем занялась изучением свитков Нагаша и артефактов, которые приказала захватить с собой из Кхемри. Хотя Нефератем начала вникать в труды Нагаша, будучи побуждаема вполне благородным стремлением к познанию, со временем её решимость укрепилась. Велико было её возмущение жречеством Погребального культа, которое запрещало всем, кто не входил в их число, постигать мистические знания, и она решила изучить те мистерии, которые наводили страх даже на величайших жрецов Нехекхары — мистерии самого Нагаша, великого еретика.

Казалось, лишь В'Соран сожалел об этой несправедливости, что он явно выказывал в ранние годы Нефератем. В доверительных беседах с Нефератем он говорил, что единственной, доподлинно известной ему причиной, по которой жрецы Погребального культа запрещают кому бы то ни было вне их круга изучать их тёмные искусства, попросту является желание за счёт всех прочих сосредоточить власть в своих руках. Хотя, по заявлению жрецов, труды Нагаша представляют собой зло, В'Соран наставлял Нефератем, что ни одно мистическое искусство не является злом само по себе, разве что некто воспользуется им в зловредных целях. Существование артефактов Нагаша и свой исследовательский к ним интерес Нефератем скрывает от своего двора.

Нефератем была восхищена ранними экспериментами Нагаша, оценив его стремление отыскать способ победить не только смерть, но также и разрушительное воздействие времени. Вскоре Нефератем начала воспроизводить некоторые из простейших экспериментов Нагаша, но прошло совсем немного времени, и её невинное восхищение сменилось откровенной одержимостью Нагашем и его стремлением к бессмертию. Без сомнения, такое состояние дел усугублялось как поддержкой Нефератем со стороны В'Сорана, так и явной притягательной силой,

содержащейся в трудах Нагаша.

За три года планы В'Сорана в отношении Нефератем принесли плоды. До сведения жрецов Погребального культа, которые не были ему верны, В'Соран тайно довёл информацию, что царица спасла от уничтожения еретические труды Нагаша и пытается их повторить. Без явных доказательств жрецы-личи не желали открыто выступить против царицы, опасаясь обвинений в измене, однако не могли и позволить воссоздать богохульные труды Нагаша со всеми сопутствующими этому ужасами. Поэтому жрецы-личи стали противодействовать царице менее явными способами, подрывая её власть при дворе и возбуждая неприязнь и недоверие к ней среди населения Ламии.

Не прошло и года, как Нефератем, не без советов и поддержки В'Сорана, решилась на вынужденное действие. Она не могла пойти на риск открыть собственной страже, что действительно стремится повторить проклинаемые труды Нагаша, но и не могла в одиночку противостоять жрецам-личам. А потому обратилась к тем тёмным аспектам трудов Нагаша, которых до сих пор касаться избегала. Под покровом ночи Нефератем и В'Соран, воспользовавшись знаниями, почерпнутыми из трудов Нагаша, чтобы устранить наиболее могущественных жрецов-личей, которые выступали против царицы. Уцелевшие жрецы-личи, запаниковав, использовали собственные силы для пробуждения в своих храмах ушабти, которых отправили против дворца, сыграв на руку В'Сорану. Заблаговременно собрав преданных ему жрецов-личей, В'Соран поднял тревогу и сообщил дворцовой страже, что группа мятежников из Погребального культа пытается свергнуть царицу, изменив ушабти с помощью проклятого колдовства.

Стражи отважно сражались, защищая свою любимую царицу, но ушабти были слишком сильны. И именно в тот момент, когда капитан дворцовой стражи с остатками своих людей

предпринял попытку достичь покоев царицы прежде ушапти, Нефератем появилась во всём своём великолепии. Бок о бок с В'Сораном она вышла из покоев, меча в ушапти разряды потрескивающей тьмы, и полностью их уничтожила. Как только бой закончился, Нефератем приказала оставшимся стражам вместе с отрядом городской пехоты отправиться с В'Сораном для поимки и казни всех жрецов, которые были ответственны за возмутительное нападение. Как и следовало ожидать, В'Соран позаботился, чтобы в ходе этой чистки были убиты не только жрецы из Погребального культа, тем самым

обеспечив власть в городе собственным последователям.

В течение пяти лет в Ламии пустил корни новый культ, тесно связанный с оставшимися жрецами Погребального культа. Основателем культа являлась никто иная, как сама царица Нефератем. Она была столь одержима Нагашем, и грубая мощь его волшебства так вскружила ей голову, что Нефератем стала воспринимать Великого некроманта, как воплощение бога, полностью недооценённого жалкими царями Нехекхары, худшим из которых она считала собственного отца в далёком Кхемри. Возникновение культа поклонения Нагашу было не самым кардинальным изменением, произошедшим с Ламией. Нефератем значительно продвинулась в своих опытах с трудами Нагаша и с помощью В'Сорана воссоздала все жуткие эксперименты и тёмные ритуалы Нагаша, включая Эликсир бессмертия.

В'Соран внёс искусные изменения в формулу эликсира, сделав тот ещё более изумительным, чем изначальный вариант Нагаша. Новый эликсир наделял того, кому довелось его испить, истинным бессмертием — полным иммунитетом к смерти, а также целиком выводил его душу за пределы досягаемости всех богов и демонов способом, который самому Нагашу стал достижим лишь после поглощения огромного количества необработанного искривляющего камня.

Когда Нефератем впервые испила воссозданный ей и В'Сораном эликсир, её тело некоторое время металось в агонии, но когда боль отступила, царица поднялась с ложа, внешне выглядя и ощущая себя куда более здоровой, чем когда-либо. Также она стала сильнее, быстрее, и мысль её отличалась большей стремительностью и проникаемостью.

Всё в ней подверглось усовершенствованию, и она ощущала себя богиней, однако со временем Нефератем открылась ужасная цена её новой силы. Эликсир не только усилил её способности и наделил бессмертием, но и вынудил стать пожирателем человеческой крови. Вампиром.

ПРЕДИ НЕДАЛЁКОГО жречества Старого Света встречаются верящие в то, что для становления вампиром сначала нужно умереть и лишиться души. Есть и те, кто верит, что вампиры это не что иное, как смертные, одержимые каким-то злым духом или иным существом из царства Хаоса. Теперь я поведаю тебе, мой читатель, что ни одно из этих жалких и трусливых утверждений не является истинным. Мы куда более живые и истинные создания мира смертных, чем все прочие.

Хоть В'Соран, вне всякого сомнения, по праву являлся великим и могущественным чародеем, мне кажется весьма вероятным, что его повелитель сумел каким-то образом поддерживать с ним связь во время своего изгнания. Я верю, что именно Нагаш был наставником В'Сорана и Нефератем после того, как достиг Кислого моря, начал поглощать необработанный искривляющий камень и значительно полнее постигать природу бессмертия. Царица и её советник-жрец не только открыли тайну вечной молодости, но также сумели совершенно отгородиться от царства Хаоса, полностью собрав внутри себя те части души, которые пребывали в эфире. Так вся цельная сущность Нефератем и небольшой вихрь эфирной, или же духовной энергии оказались заключены внутри самих волокон её тела.

Сие означало, что Нефератем и В'Соран не только не могли по-настоящему умереть, но их души навечно находятся вне досягаемости демонов и богов, ибо неразрывно связаны с частями их смертных тел и полностью отрезаны от эфира. Они стали первыми вампирами.

Такое положение дел придало им, первым из всех вампиров, великую мощь, ибо их контроль над телами был абсолютным, а силы разума, воли и целеустремлённости, обрётённые благодаря целостности их связанных с телами душ — Акху — были поистине огромны. По существу, они сочетали в

одном бессмертном теле свою Кха с божественным Саху, хотя с того дня по настоящее время ни один вампир не имеет тени, или Кхайбит, если только сознательно не наколдует её.

В то время как души прочих смертных в равной степени находятся как в эфире, так и внутри тканей физического тела, с душой вампира всё обстоит иначе. Каждая отдельная часть души и духа вампира извлечены из эфира и отсечены от него, поэтому, хотя души прочих смертных частично поддерживают активность за счёт своей связи с эфиром, с вампирами такое не работает. Хотя тела наши могучи и полны жизненной силы, эфир нам

недоступен, и наши души со временем испытывают нарастающий холод, скуку и усталость, которых не понять ни одному смертному и которые не облегчить без весьма специфического сознательного вмешательства.

В отсутствие искривляющего камня и желания его поглощать, собственные побуждения и, возможно, воля Нагаша, вынудили Нефератем и В'Сорана, первых из нашего вида, искать иной способ восстанавливать свои души,

который не требовал бы контакта с веществом Хаоса.

Так у вампиров осталось лишь две возможности для восстановления своих душ, без которого они впадут в бесконечное и мучительное оцепенение: вбирать в себя ветры магии, пронсящиеся по миру смертных, либо присваивать Секхем, содержащуюся внутри других живых существ.

Вихрь эфирной энергии, или Секхем, внутри Нефератем, В'Сорана и, разумеется, всех вампиров, медленно высасывает эфирную энергию из непосредственного окружения. Так как души вампиров ненасытны в отношении Секхем, их не беспокоит, сколько её попадёт в их тела, и каким способом. Как часть этого процесса, вся Секхем, а в действительности магия, вбираемая телами и душами вампиров, усваивается поспешно и жадно, преобразуясь в темнейшую из магий. Таким образом, предоставленные сами себе, вампиры почти бессознательно

высасывают всю доступную магию из окружающего их пространства, по ходу преобразуя эту магию в губительную Дхар.

Нельзя не упомянуть об опасности подобного подхода, ибо если вампир станет полагаться на такой способ восстановления своей души, то окажется в зависимости от наличия поблизости надёжного источника магии, а кроме того, куда более важно то, что чем сильнее душа пропитана Дхар, тем очевиднее неприятные последствия этого. В'Соран принял такое положение дел, как, разумеется, и все его потомки: в итоге ему и его некрахам питаться нужно не часто, если вообще необходимо, однако они заплатили горькую цену за такое успокоение жажды крови. Постоянная и добровольная подпитка тёмной магией пагубно отражается на их разуме, равно как и на телах, которые деформированы и омерзительны. Нефератем, подобно большинству прочих вампиров, воспользовалась иным способом получения необходимой подпитки для своей души — поглощением ещё живой крови других смертных. Так мы, вампиры, способны восстанавливать наши души правильным способом, при котором не требуется, чтобы наша внутренняя сущность подпитывалась внушительными объёмами тёмной магии, со всеми сопутствующими для нас опасностями.

Ломка и невыносимые страдания вампира, который, будучи голодным, не подпитался, несравнимо хуже испытываемых смертными голода или жажды. Мы должны есть, чтобы изгнать пронизывающий холод из наших истощённых душ и снять тяжесть с сердца и разума, иначе мы либо замедлимся и обездвижимся, либо начнём добровольно накачивать наше глубинное естество чернейшей магией, постепенно утрачивая красоту и рассудок.

Мы охотно выплачиваем эту цену, ибо физическая и умственная мощь, которой мы обладаем, и бессмертие, не зависящее от прихоти богов и демонов, являются неизмеримыми ценностями.

ПОСЛЕ СЕМНАДЦАТИ лет правления в Кхемри умер Лахмиззаш, и на трон взошёл его юный сын Лахкашар. Лахкашар правил двадцать один год, покинув бранный мир в возрасте тридцати восьми лет, и оставил трон своему сыну Лахкашазу, который царствовал почти сорок лет. Во время правления Лахмиззаша и его династии великие некрополи были заброшены, а тела Лахмиззаша и обоих его потомков были отправлены в Ламию для захоронения в скальных гробницах.

Однако дела в Нехекхаре шли неважно. Лахкашаз уже двадцать лет как правил Кхемри и Нехекхарой, а в Ламии, насколько было известно, всё ещё царствовала Нефератем. Наиболее неестественным для прочих аристократов Нехекхары являлось то, что хотя Нефератем разменяла уже восьмой десяток, внешне она, по общему мнению, выглядела не старше, чем в тот день, когда взошла на трон Ламии много лет назад. Во всех уголках пустынной страны уже давно ходили легенды о её красоте.

В Ламии был возведён новый храм, для чего использовали камни и статуи, вывезенные из Кхемри во времена разгрома Нагаша. Это был главный храм нового культа, основанного царицей Нефератем и её

главным жрецом В'Сораном, и ему оказывали предпочтение в ущерб всем давним культам, посвящённым традиционным богам Нехекхары. Именно сущность и обряды этого культа привели к гибели Ламии и к свержению в Кхемри династии Лахмиззаша, хотя Лахмиззаш и его потомки не были причастны к происходящему в далёкой Ламии.

Через несколько лет после восхождения Нефератем на трон поползли тёмные слухи о правителях Ламии. После открытой попытки свержения царицы Погребальный культ, наряду с многими прочими культами Ламии, подвергся чистке со стороны жреца-лича В'Сорана и его преданных последователей. А вскоре после этого правление Нефератем стало ещё более жёстким, нетерпимым к критике и бунтам. Она основала реформированный Погребальный культ, верховным жрецом которого стал В'Соран. Вопреки обыкновению, этот новый культ принимал в свои ряды больше женщин, чем мужчин — фактически единственными посвящёнными-мужчинами оказались В'Соран и его приспешники.

Никто доподлинно не знал, кому поклоняется этот культ, но опасения возникли после того, как дальняя родственница царицы, Кхалида

Неферхер из Либараса, отказалась присоединиться к культу и тут же была обвинена Нефератем в заговоре с целью узурпации трона Ламии. Нефератем убила свою родственницу в поединке на глазах всего царского двора Ламии.

По прошествии десятилетий высокопоставленные гости, посещавшие Ламию, с ужасом замечали, что и статуи в крупных храмах города, и росписи, выполненные на их стенах богато

украшенными иероглифами — все они посвящены Нагашу. По сути, многие из тех статуй некогда украшали личный дворец Нагаша и храмы Кхемри и считались уничтоженными во время разграбления города армиями Лахмизаша. Эти гости и посланники из других городов-государств Нехекхары возвращались в родные страны с рассказами о явном моральном разложении ламийской аристократии.

МНОГИЕ В НЕХЕКХАРЕ полагали, что правящая династия Ламии проклята. Принцессы Ламии, многие из которых были кузинами, дочерьми и даже внучками Нефератем, и все без исключения являлись жрицами её культа, обладали такой красотой, что любому царю Нехекхары следовало бы настойчиво просить их руки, чтобы сочетаться браком. Но, напротив, этих принцесс избегали, ибо ходили слухи, что те владеют колдовскими силами, с помощью которых способны подчинить своей воле любого мужчину.

Правда же, разумеется, в том, что Нефератем стала первым истинным вампиром, бессмертным и могущественным, и начала жаловать дар бессмертия другим. Не без наущений вечного интригана В'Сорана, Нефератем пришла к мысли, что со временем остальные аристократы Ламии начнут задаваться вопросом о причинах её неувядающей красоты и невероятной жизненной силы. Нефератем сознавала, что она уязвима, пока её единственным союзником является В'Соран, и, одному за другим, позволила и прочим присоединиться к ним.

Первым стал Абхораш — отважный капитан стражи, столь упорно защищавший царицу от ушабти, за ним последовали ближайšie царедворцы, в число которых входили Харахте — просвещённый царский визирь, и Маатмесес — главный судья Ламии и командующий городской стражей. Через какое-то время об эликсире прознал Ушоран, младший брат Нефератем, ещё не включённый в число избранных, который без ведома сестры пробрался в храм и испил эликсир. Разгневанная его поступком Нефератем, тем не менее, сохранила ему жизнь, ибо он стал одним из чистокровных вампиров, а по принятому между ними соглашению, убийство себе подобных было запрещено.

На протяжении многих лет царица и её приближённые-вампиры старались скрывать свою изменённую сущность от населения, ограничивая круг своих жертв преступниками из ламийских тюрем, рабами, слугами и прочими из

числа тех, кого не станут разыскивать. Тем не менее, годы спустя народ Ламии восстал против своих правителей, побуждаемый и поддерживаемый агентами остальных городов-государств Нехекхары. И тогда Нефератем и другие вампиры занялись подавлением всеобщего восстания в Ламии, перебив сотни горожан и солдат, восстановили порядок, а затем принудили всё население к открытому поклонению Нагашу. С тех самых пор Нефератем — Прекрасное Солнце, стала известна народу Ламии под именем Неферата — Прекрасная Смерть.

ХОТЯ МЫ, ВАМПИРЫ, внешне выглядим людьми, в действительности мы гораздо могущественнее любого из живущих смертных и далеко ушли от человечества. Однако величие и бессмертию сопутствуют свои риски, и эти риски, несомненно, определяют сущность вампиризма.

Хотя большинство из нас прекрасны и грациозны, в силу обстоятельства все вампиры — хищники. Для большинства вампиров просто невозможно сопротивляться желанию и потребности пить живую кровь, ибо если мы не подпитаемся, то в отсутствии возможности умереть столкнёмся с опасностью провести вечность в состоянии оцепенения, испытывая боль и страдания. Даже если тот, кто стал вампиром, в своей предшествующей жизни питал отвращение к крови, то под воздействием нашей противоестественной в ней потребности это быстро изменится.

Всем вампирам следует предусмотрительно держать свою жажду под контролем. Контроль превыше всего, если мы не хотим утратить рассудок.

Случается, что наша жажда становится слишком сильна, чтобы её контролировать, и мы рискуем обратиться в этаких зверей, которыми, вне сомнения, стали омерзительные стригои. Жажда в нашей крови и сила наших тел являются причинами того, что нам крайне трудно сдерживать гнев. Мой собственный предок едва контролировал свою вспыльчивость и по малейшему поводу впадал в убийственную ярость. Я помню, как его обычный облик внезапно искажали острые как бритва клыки и звериные черты лица. Глаза начинали гореть внутренним светом, и один мельком брошенный их взгляд мог побудить даже самого отважного из смертных воинов обратиться в бегство.

Неизбежно, что за столетия вампир настолько пресытится кровью, что его более не будет волновать гибель смертного, хотя, на мой взгляд, невелика проблема. Жалость, сострадание и милосердие по отношению к тем, за чей счёт мы должны кормиться, попросту исчезают. Помимо прочего, для представителей нашего вида человеческое сообщество является чем-то расплывчатым и изменчивым, ибо, хотя мы

не стареем, стареют те, среди кого мы обитаем, а потому становится бессмысленной попытка относиться к столь недолго живущим существам, как к равным. Собственно, достаточно лишь принять во внимание разницу между нами — бессмертными хищниками — и обычными людьми. Разве мы вообще можем позволить себе испытывать родственные чувства и жалость к человечеству? Жажда вынуждает нас на насильственные действия, которые люди считают кровожадными и даже канибальскими; а в сравнении с нашими жертвами, физическое и умственное превосходство вампиров огромно. Неудивительно, что большинство моих сородичей ко всему человечеству относятся, как к скоту.

Я вновь обращаю внимание, что такое положение дел оказывает огромное влияние на образ мыслей всех вампиров и является причиной того, что безумие, как видно, является непременным спутником многих вампирских династий. Очевидно, что вампиризм — не для слабых духом и рассудком. Нескончаемое существование и постоянное использование тёмной магии неизбежно приведёт слабых волей к душевной болезни и безумию. По этой причине мы редко позволяем пополнить наши бессмертные ряды кому попало.

В той же мере, как бояться и ненавидят,

люди нами ещё и восхищаются. Многие, в особенности те, кто хочет изучать искусство некромантии, разыскивают нас, чтобы предложить свою службу, ибо у нас есть нечто, чего страстно желают все эти некроманты — мы обладаем истинным бессмертием и способны передать сей дар другим. Мы, вампиры, за возможным исключением монструозных стригоев, всегда весьма тщательно выбираем себе потомков. Мы либо желаем обрести спутников в нашем долгом и, как случается, одиноком существовании, либо, что часто справедливо в отношении потомков Абхораша и В'Сорана, особо талантливых и усердных учеников. Поэтому мы отбираем только самых умных, самых красивых и самых могущественных, позволяя им присоединиться к нам в бессмертии.

Единственный способ, которым мы, вампиры, передаём свой величайший дар, мы называем Кровавый поцелуй. Надеясь этим чудесным даром, мы обмениваемся частью собственной крови с избранным протеже, вместо того чтобы высасывать живую кровь этого смертного. Избранный мужчина или женщина некоторое время испытывает чудовищную слабость, и продолжительность этого периода сильно варьируется. По прошествии времени избранный поднимается с ложа уже могучим бессмертным. Так как частицы связанных с телами душ передаются вместе с кровью, каждый из чистокровных вампиров Ламии передаёт некоторые особенности своей личности и физические предпочтения, которые, в определённой степени, будут характерны для всех его потомков.

Однако, как я упоминал ранее, силы и возможности каждого нового поколения вампиров уменьшаются по сравнению в предшествующим, поэтому наиболее могущественные вампиры — это самые древние, ибо те, кто получил свой дар от древних. Помимо этого, древние вампиры способны даровать Кровавый поцелуй более чем одной персоне, в то время как третьи, четвёртые и пятое поколения вампиров за время своего продолжительного существования могут даровать лишь единственный Кровавый поцелуй.

Для вампира существует способ увеличивать свои силы, пока он или она не

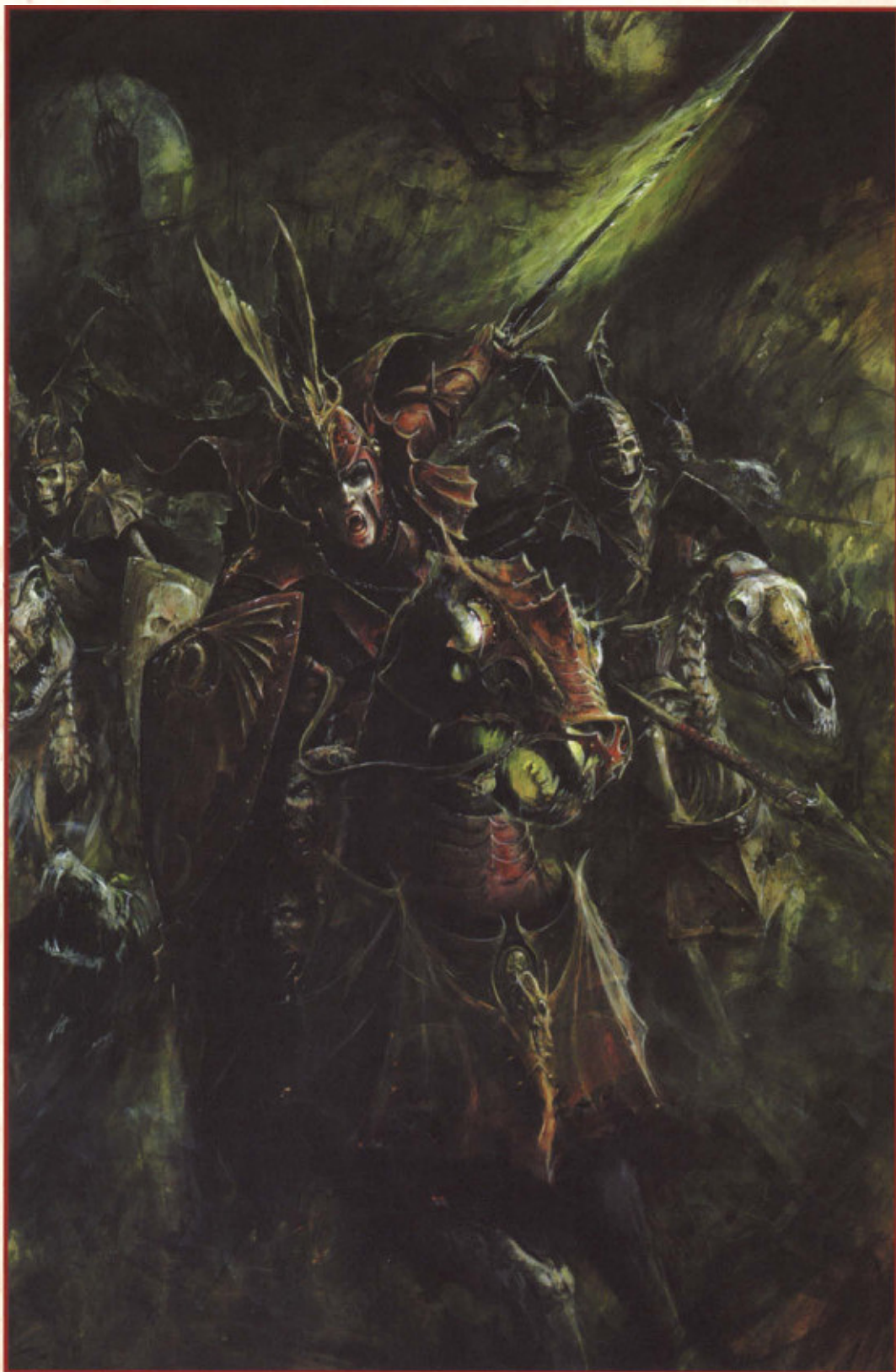

сравнится в мощи со своим непосредственным предком, и заключается сей способ в выслеживании других вампиров и высасывании их крови. Чем могущественнее был обескровленный таким способом вампир, тем большая сила перейдёт к выследившему его охотнику. Часть силы и умений вампира-жертвы переходит к её победителю, что является весьма заманчивой конечной целью для некоторых моих братьев.

Столкнувшись в Мидденхейме с Фолькмаром, треклятым теогонистом Сигмара, я с абсолютной ясностью осознал, что будет разумным наращивать собственную силу, пока не превзойду даже своего непосредственного предка. Ибо если столь могучего вампира, каким был мой предок, смог победить один из смертных предшественников Фолькмара, то существует вероятность, что Фолькмар, или какой иной смертный, сможет проделать подобное и со мной. Этого нельзя допустить. Я не отступлю, как много лет назад после унижения, которому подвергся под Хел Фенн. Если я не способен извлечь уроки из собственных поражений, то и бессмертия явно недостойн. С этой мыслью я принялся разыскивать и высасывать кровь всех тех, кто принадлежал к моей вампирской династии и моему поколению, дабы гарантировать себе, что являюсь самым могущественным из всех уцелевших вампиров династии Вашанеша, и десятикратно увеличил собственные силы. На этом я не успокаиваюсь. Я намерен отыскать потомков Абхораша и сестёр Ламии, ибо из всех иных вампирских династий, помимо моей собственной, они в меньшей степени затронуты порчей, и я многое смогу от них почерпнуть.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К МОЕМУ рассказу: по прошествии времени вампирская аристократия Ламии открывала в себе всё новые силы. Их способность чувствовать и притягивать ветры магии значительно усилилась, и они обрели возможность сплести мощные заклинания без ущерба для себя, и не опасаясь мутации. Они обрели силу дюжины мужчин, и никакие болезни, несчастные случаи или обыкновенное оружие не могли нанести им продолжительный урон. Их не могли уничтожить даже могучие джинны, призванные кочевниками пустыни, ибо, хоть эти могущественные существа и были способны разорвать на части тела вампиров, те всегда могли быть восстановлены с помощью вампиров-собратьев.

Они могли изменять тела на своё усмотрение, и когда испытывали жажду, то преобразовывали зубы в остроконечные клыки, чтобы с большей лёгкостью прокалывать вены своих жертв. Чистокровные вампиры также обнаружили, что способны посредством собственной крови передавать дар вечности. Мало кто среди изначальных вампиров, за исключением Нефераты, пожелал зачать и выносить детей, и даже Неферата воспитание своих рождённых в вампирстве детей оставила на попечение других. Знать Ламии обнаружила, что посредством передачи своей крови другому смертному можно

создавать низших вампиров, которых их предок сможет держать под контролем.

Каждый новый вампир мог создавать нескольких себе подобных, хотя в каждом поколении сила и способности понемногу убывали по сравнению с предками. Со временем храм Ламии стал центром пребывания целого скопища этих бессмертных, которые повелели жителям Ламии поклоняться им наряду с Нагашем, как божественным воплощениям. Пользуясь в Ламии неоспоримой властью, вампирская аристократия приходила в упадок. Её не беспокоило возмущение, нарастающее по всей Нехекхаре на фоне приходящих из Ламии известий, как не беспокоил и тот факт, что их деятельность в Ламии оказывает пагубный эффект на правление в Кхемри Лахкашаза, внука отца Нефераты.

В должное время кхемрийцы и прочие царства Нехекхары восстали против правления царя Лахкашаза, не желая терпеть в качестве верховного правителя кровного родича царицы-еретички Ламии. При поддержке остальных городов-государств Нехекхары коренной кхемриец, генерал Сетеп, сверг Лахкашаза и занял трон. Ламийская династия была свергнута, но прикрытый горами город-государство Ламия до поры до времени сохранил независимость под управлением Нефераты и её двора.

НИКОТО НЕ ЗНАЛ, что у Лахкашаза есть незаконнорожденный наследник от одной из его многочисленных наложниц. Вашанеш был высок и крепок, обладал силой, благородством и увлечённостью стратегией, присущими его прадеду Лахмиззашу. Ещё утверждают, что Вашанеш также обладал настойчивостью и фанатическим упорством в достижении своих целей, унаследованными, вероятно, от второй жены своего прадеда, которая происходила из династии самого Нагаша.

Вашанеш выбрался из Кхемри с небольшим отрядом преданных ему людей. Вместе они добрались до Ламии, веря, что распускаемые о городе слухи являются всего лишь инсинуациями завистливых царей Нехекхары. Разумеется, они ошибались. Вскоре после того, как их караван вступил в город, усталый и пропылившийся за несколько недель пути Вашанеш был арестован бледными воинами городской стражи. Вашанеша,

заявившего, что он приходится родней правящему дому, и настаивавшего, чтобы его лично доставили к царскому двору для передачи важного сообщения, привели к Неферате. Он рассказал царице обо всём, что произошло в Кхемри, и предупредил, что цари Нехекхары обратили свой ненавидящий взор на Ламию и всех её детей. Будучи военачальником в армии генерала Сетепе, Вашанеш знал о многих планах генерала в отношении Ламии.

Не вполне осознавая природу существ, с которыми повстречался, или, возможно, слишком самоуверенный, чтобы испытывать перед ними страх, Вашанеш ничуть не растерялся, когда вперёд выступил Ушоран и высмеял его, заявив, что правители Ламии не по зубам любым завоевателям и не имеют причин кого бы то ни было опасаться. Ушоран был потрясён и разгневан, когда Вашанеш, не обратив на него внимания, уверенно подошёл к подножию трона Нефераты, остановившись только после того, как Абхораш, личный чемпион царицы, вынул меч и приставил его остриё к горлу Вашанеша. И вновь, несмотря на возникшую помеху, пристальный взгляд Вашанеша был направлен лишь на бледный лик царицы.

Неферата, со своей стороны, была сильно впечатлена этим уверенным темноглазым мужчиной, сила и гордость которого напомнили ей отца. Она приказала Абхорашу опустить меч и удалиться вместе со всеми царедворцами, чтобы она могла переговорить с Вашанешем с глазу на глаз. На правах главного советника царицы остался лишь В'Соран, но в тот же миг, как Вашанеш обратил на него свой вопросительный взгляд, Неферата отослала древнего жреца. Говорят, что мгновение В'Соран колебался, сознавая, что впервые за без малого столетие его контроль над Нефератой подвергся сомнению. Затем он удалился, оставив царицу и гордого смертного наедине.

Оставшись без свидетелей, Вашанеш рассказал царице всё, что знал и

подозревал о планах генерала Сетепы, и посоветовал, как, по его мнению, лучше всего им противостоять. Пока Неферата обдумывала услышанное, Вашанеш задал вопрос о царице и её дворе, интересуясь, какое отношение она имеет к дочери его прадеда, царице Нефератем, ибо обликом и красотой Неферата едва ли не в точности похожа на статуи Нефератем, виденные Вашанешем. С лёгкой улыбкой Неферата ответила, что она той же крови, что и дочь Лахмиззаша. Не удовлетворившись уклончивым ответом царицы, Вашанеш продолжил расспросы, критикуя невежество и упадочническую самонадеянность её царедворцев, полагающих, что могут игнорировать негодование прочих царей Нехекхары. Возможно, именно тогда Неферата приняла решение о судьбе Вашанеша.

В венах мужчины текла та же самая благородная кровь, как у царицы, а также кровь рода самого Нагаша, хоть и разбавленная. Его интеллект, харизма и проницательность явно бросались в глаза, как и его гордость, сила, прирождённое лидерство, и, безусловно, он произвёл впечатление на царицу. Неферата понимала, что имея на своей стороне этого мужчину, она сможет воплотить в жизнь собственные планы: царица была неглупа и давно заметила упадничество своего двора и то, как В'Соран пользуется этим для сосредоточения у себя достаточной власти, чтобы соперничать с ней. Хотя культ Нагаша был основан по личному приказу царицы, она всегда считала объектом его поклонения великого человека, учение которого предлагало бессмертие и освобождение от гнёта богов. В'Соран же, с другой стороны, открыто поклонялся Нагашу, как богу, больше интересуясь личностью Нагаша, чем его учением, и это, помимо многих прочих соображений, начало беспокоить Неферату. В то время как она тесно связана запутанными политическими отношениями внутри своего двора, к Вашанешу сие не относится, и кажется маловероятным, что кому-либо удастся его запугать.

Поэтому Неферата ответила

Вашанешу, что он прав в своей оценке царедворцев Ламии. Они явно погрязли в праздности, но она уверена, что при правильном руководстве их можно привести к величию. Она предложила Вашанешу союз, соединение двух ветвей династии Лахмиззаша. Если они вступят в брак, Вашанеш сможет править Ламией в качестве соправителя Нефераты, и вместе они смогут преобразовать царство в державу, каковой ему надлежит быть. Вашанеш согласился.

Без лишних промедлений Неферата приказала Вашанешу проследовать за ней в храм, внутри которого находился алтарь со стоящим на нём кубком. Возможно подчиняясь какому-то инстинкту, Вашанеш схватил кубок обеими руками и выпил находящийся в нём эликсир несколькими глубокими глотками. История умалчивает, осознанно ли и без принуждения Вашанеш принял Эликсир бессмертия, но известно, что после этого он и Неферата также обменялись своей кровью, установив между собой постоянные узы. С величайшим презрением к этим узам отнёсся Абхораш, который давно любил Неферату и мечтал стать её супругом.

Вашанеш энергично принялся за дело в качестве царя Ламии, показав себя прирождённым и сильным правителем. Невзирая на мелкие дворцовые интриги, Вашанеш реорганизовал управление городом-государством, поручив каждому изначальному вампиру преобразование и достижение эффективности отдельных аспектов городской жизни. Помимо этого, Вашанеш и Неферата отправили в другие города-государства Нехекхары сотни агентов с задачей сколько возможно долго препятствовать мобилизации для войны с Ламией и разжигать межгосударственные конфликты. План соправителей Ламии успешно срабатывал на протяжении правления ещё трёх царей Кхемри после смерти Сетепы. В итоге война пришла в Ламию лишь после восшествия на престол Кхемри царя Алкадизаара, известного как Завоеватель.

В А ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ отца и деда Алкадизаара вся Нехекхара вновь подчинилась прямому правлению Кхемри. Вся, за исключением Ламии. Подозрительность и ненависть, которую население Нехекхары испытывало к ламийцам, считая тех еретиками и колдунами, обеспечили Алкадизаару необходимую всенародную поддержку. С момента, как Сетеп занял трон Кхемри, внутри городских стен был восстановлен Погребальный культ. После уничтожения учеников Нагаша, Лахмизаш решил не приглашать культ возвратиться в Кхемри, считая, что тот, хоть и не умышленно, несёт ответственность за возвышение Нагаша. Теперь же культ был такой же частью жизни Кхемри, как прежде, и Алкадизаар советовался со жрецами по Ламии. Те заявили ему, что культ в Ламии опасен и снова, на беду Нехекхаре, стремится призвать Нагаша, где бы тот ни скрывался. Хоть их предположения в отношении Ламии были не совсем верны, нельзя сказать, что жрецы-личи Кхемри

полностью заблуждались.

Объявив священную войну против Ламии во имя традиционных богов Нехекхары, Алкадизаар со всех своих владений собрал могучую армию. К нему присоединились все цари Нехекхары, и сверкающие легионы перешли через горы. Но Ламия к этому подготовилась.

Ещё за столетие до вторжения, поставив во главе всех армий Ламии Абхораша с его дисциплинированным и проницательным умом военного, Вашанеш был уверен, что город располагает надёжными силами для отражения любой отдельной армии. К несчастью, прекрасная Ламия столкнулась не с одной армией, но с множеством. К нехекхарским армиям из Кхемри, Зандри, Нумаса, Кватара, Махрака, Разетры и Либараса присоединились армии Бел-Алиада, Бхагара и Ка-Сабара — разрастающейся арабской цивилизации, покорённой Алкадизааром.

Обороной города руководил Абхораш, и никто не мог выстоять против бессмертного воина. В

смертной жизни он был самым прославленным воином Ламии, и в бессмертии стал практически неудержимым. Пыльные равнины перед воротами Ламии окрасились кровью его врагов, тела которых были свалены в огромный курган смерти, в то время как армии Ламии постепенно оттеснялись назад. Вне себя от ярости, Абхорах с животным иступлением насыщался из своих врагов, и сила его возрастала.

Никто не изучал труды Нагаша столь тщательно, как В'Соран, и не был столь же сконцентрирован на исполнении воли Великого некроманта. Одним лишь словом с едва открытых бледных губ В'Соран принуждал павших подниматься вновь, связывая недавно умерших своей волей и бросая тех против ещё живых сотоварищей. В то время некромантия была новым искусством, известным лишь своему создателю Нагашу, а потому для Нефераты и Вашанеша стало очевидным, что вампирский жрец-лич явно поддерживал какую-то связь со своим великим повелителем сквозь пучины времени. Легенды гласят, что от начала и до конца Нагаш пристально наблюдал за обороной Ламии из

Нагашиззара и использовал свои огромные магические силы в помощь тем, чей культ его боготворил. Кхемрийцы и их союзники привезли с собой боевые машины, но обстреливаемая камнями, сжигаемая алхимическим огнём, утыканная стрелами и копьями Ламия держалась стойко. Многочисленные жрецы Нехекхары, объединившиеся против Ламии, взывали к своим богам, а чародеи из Арабии посредством пленённых джиннов насылали проклятия на защитников Ламии, и всё же вампиры продолжали сражаться, хотя их смертные слуги погибали тысячами.

Целую неделю Абхорах и Вашанеш своей армией сдерживали облачённые в бронзу вражеские полчища, но со всей своей внушительной свирепостью и умениями, несмотря на гибель тысяч врагов, они не смогли удержать Алкадизаара от уничтожения города. Армия Ламии была побеждена, и в последние дни сражения немногие уцелевшие смертные жители города обратились против своих повелителей. Внутри городских стен отчаявшиеся толпы принялись громить дворцы и монументы Ламии. Великий храм был предан огню, а те жалкие вампиры-декаденты, которые прятались внутри вместо того, чтобы сражаться, полыхающим пламенем были обращены в пепел, развеянный затем над пустыней тёплым ветром, и никогда более не возродились. Многих вампирских принцев и принцесс Ламии ждал подобный конец. Ещё больше тех, кто сумел спастись бегством, были выслежены и убиты мстительными нехекхарцами и их жрецами. Ускользнули лишь наиболее сильные вампиры, в числе которых были чистокровные: Неферата, Вашанеш, Абхорах, Ушоран, В'Соран, Харахте и Маатмесес.

Влекомые к Повелителю смерти, возможно, неким инстинктом, эти семеро великих родоначальников всех вампиров бежали на север и один за другим прибыли в Нагашиззар.

НАВЛЮДАЯ ЗА СУДЬБОЙ Ламии с момента прибытия туда В'Сорана и до уничтожения, Нагаш подготовился к этому моменту. Он радушно встретил вампиров, считая их достойными чемпионами своих армий, а их бессмертие — данью его гению. Великий некромант стал поистине могущественным, и хотя вампиры Ламии обладали огромными силами, до него им было далеко и они это знали. Нагаш заявил вампирам, что если они подчинятся ему, он сделает их гораздо могущественнее, чем прежде.

В подтверждение своего обещания Нагаш избавил собравшихся вампиров от способности испытывать страх и сожаление — благодетельное сомнительное, но выбора ни у кого из вампиров не было. В Вашанеше Нагаш распознал прирождённого лидера и, приметив, что остальные вампиры никогда не последуют за его избранным приспешником В'Сораном, вручил Вашанешу кольцо, вызвав растущую обиду у всё чаще игнорируемой Нефераты. Сделанное из какого-то магического сплава, кольцо служило оправой кусочку обработанного и зачарованного искривляющего камня. Посредством этого кольца Вашанеш мог приказывать всем прочим вампирам, и те вынуждены были подчиняться. Единственным изъяном являлось то, что стоит только Вашанешу не подчиниться Нагашу, как чары развеются, а он и все вампиры навечно будут прокляты. В качестве дополнительного стимула для Вашанеша, Нагаш поведал ему, что основное заклятие на кольце делает его обладателя не подверженным разрушению: даже если тело будет уничтожено, владельцу не придётся, в отличие от других вампиров, ждать помощи союзников для восстановления. Вашанеш не смог отвергнуть такой дар.

Так, с Вашанешем в качестве безоговорочного правителя под всеобъемлющей властью Нагаша, вампиры принялись обучаться тонкостям некромантических искусств у их создателя. Со временем,

посредством собственной магии, они могли поднимать толпу мертвецов, хотя в этом деле никто не смог превзойти В'Сорана.

Нагаш уже собрал огромную армию нежити и исступлённых фанатиков, которые поклонялись ему, как богу, и полководцами этой орды он назначил вампиров. Все семеро были отправлены в бой, ибо это время, пока все армии Нехекхары собраны Алкадизааром воедино, Нагаш выбрал, чтобы окончательно сокрушить ту страну и народ, которые изгнали его столетия назад.

Нагаш обещал вампирам, что за руководство его армиями в войне с нехекхарцами он вернёт им город Ламию. С помощью древних обозревателей устройств Нагаша Вашанеш и его собратья-вампиры изучали расположение армий Алкадизаара и планировали свою кампанию.

Армии Нагашизара и Нехекхары сталкивались множество раз: война шла с переменным успехом. Поначалу легионы мертвецов Вашанеша брали верх, затем армии Алкадизаара нанесли ответный удар, и их колесницы прокатились через ряды оживлённых воинов, как серпы сквозь пшеницу. Впереди находился Алкадизаар, его огромная золотая броня лучилась магической энергией, а зачарованный ятаган мелькал быстрее, чем язык пустынной змеи. Вампиры были могучими некромантами и очень сильными противниками. Там, где проходили они, врагов охватывал ужас. Но вампиры не были непобедимыми, и со временем Вашанешу стало понятно, что Нагаша не интересуют ни его вампирские вассалы, ни отвоевание для них потерянной Ламии. Нагаш просто хотел уничтожения смертных Нехекхары, и если для этого потребуется погибнуть всем вампирам, то так тому и быть. Нагаш преспокойно сидел в Нагашшизаре и ждал, чем всё закончится. В действительности, как только началась война, Нагаш вернул к жизни Аркхана, своего первого и наиболее доверенного помощника, придав энергию душе, заключённой в

теле древнего визиря. С этого момента Вашанеш обнаружил, что вынужден повиноваться слову Аркхана, равно как Нагашу. Вашанеш проклинал имя Нагаша, но не мог придумать способ сбросить ярмо Великого некроманта.

В кульминации величайшего сражения войны, на покрытых буйной растительностью равнинах к северо-востоку от Кхемри, Алкадизаар попал в окружение орды нежити и сражался за свою жизнь. У заметившего это Вашанеша возник план. Заставив толпу расступиться и отойти от сражающегося царя Кхемри, Вашанеш прошёл вперёд и вступил в поединок с Алкадизааром. Всем было ясно, что у кхемрийского царя нет

шансов на победу, несмотря на его мастерство. Когда поражение уже казалось неминуемым, Алкадизаар отчаянным замахом направил бронзовый меч в лицо Вашанеша, и тот, хотя мог с лёгкостью отразить удар, вместо этого опустил меч, позволив клинку Алкадизаара срубить его голову. Как только Вашанеш рухнул на землю, остальные вампиры внезапно освободились от его контроля, а тем самым и от контроля Нагаша. Почти тут же они покинули поле боя, где остался лишь В'Соран, следуя приказам Нагаша.

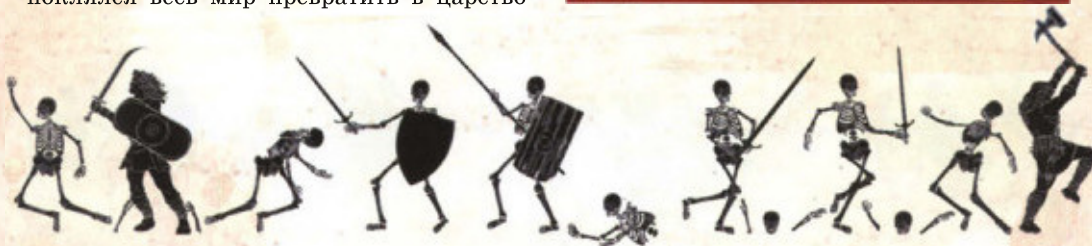

По смерти Вашанеша и бегством остальных вампиров, две трети легионов Нагаша были уничтожены, и В'Соран был вынужден бежать через пустыню обратно в Нагашиззар.

Велика была ярость Нагаша. Он не был обманут поступком Вашанеша и понимал, что царь-вампир намеренно потерпел поражение, чтобы не оставаться вечным слугой Нагаша. А потому Великий некромант проклял всех вампиров, обрекая их больше никогда не чувствовать тепло солнца, но всегда испытывать на себе его укусы. С того дня и поныне даже величайшие из вампиров испытывают, по меньшей мере, слабость и сильное недомогание при свете солнца, если тотчас же не погибают от его блеска. За исключением В'Сорана и его последователей, другие вампиры к Нагашу не вернулись. Неферата, Абхораш и Ушоран отправились на северо-запад, подальше от Нагашиззара. По их словам, Харахте, одержимый визирь царского двора Ламии, бежал далеко на восток, в то время как Маатмесес направился на юг. Судьба Вашанеша осталась неизвестной. После битвы не нашли ни его тело, ни голову, ни подаренное Нагашем кольцо.

Нагаш не намерен был дальше сносить выходки прислужников и, разумеется, тех смертных, которые осмелились сопротивляться ему в Нехекхаре. Он поклялся весь мир превратить в царство

нежити, в котором все действия и поступки будут совершаться исключительно по его воле. Он уничтожит всё живое и запечатает Врата Хаоса, о которых сотни лет назад ему рассказали друкаи. Он будет править всемирным кладбищем, населённым неупокоенными мертвецами, и ни одно существо не сможет угрожать его владычеству, включая богов, которые навсегда утратят власть над миром смертных. И первым шагом станет уничтожение его бывшего отечества. На протяжении десятилетия Нагаш злобствовал и вынашивал коварные планы, испытывая сильную ненависть к человеку, который ему помешал, и

задумывая столь ужасную месть, что сами боги содрогнулись и отвернули свои лики от мира.

Это начиналось исподволь. Фамильяры доставили к истокам Великой реки Жизни и всех других основных рек и оазисов Нехекхары амулеты искривляющего камня, зачарованные губительными заклинаниями, которые отравляли источники своей энергией, пока воды не покраснела, словно кровь, и её течение не замедлилось. По всей империи заболели и умирали люди.

Нагаш вновь обратился к омерзительным крысолюдям и попросил Совет Тринадцати выманить с гор Края Мира племена орков и гоблинов и согнать их к Нагашиззару. Скавены понятия не имели, для какой необъяснимой цели это делается, но успокоились, получив в уплату внушительную партию чистого искривляющего камня.

Народ умирал от огромных гнойников, выступавших на коже. Ухаживая за пациентами, заболели лекари и аптекари. Люди убегали из семей и умирали чуть ли не на ходу. За некоторое время, пока смерть разгуливала по стране, мертвецы превысили число живых, и на улицах лежали непогребённые гниющие трупы. Истощённый, оставшийся без ухода скот бродил по заброшенным полям до тех пор, пока не подыхал. Заболело каждое живое существо на обширных просторах Нехекхары. Из Кхемри Алкадизаар мог лишь с ужасом наблюдать, как его великая империя уничтожается врагом, которого он не мог победить. Он видел, как один за другим умирают друзья, затем его дети, затем жена. Сам он уцелел, словно по воле какой-то злобной силы.

В итоге он остался во дворце один и стонал на золочёном троне, пока не услышал отдалённые звуки приближения неумолимой армии.

Она — огромная армия мертвецов — пришла лишь после того, как все оказались при смерти. Немногочисленные больные и истощённые солдаты армий Алкадизаара не могли оказать сопротивление. Невосприимчивая к хвори нежить

прошла царство из конца в конец и не успокоилась, пока везде, где она прошла, не осталось в живых ни единого мужчины, женщины и ребёнка, ни единого зверя, птицы и собаки. Лишь жрецы-личи обладали иммунитетом к болезням, и только у них были силы дать отпор и скрыться от орд нежити. Алкадизаар же, будучи смертным, не имел ни сил, ни мужества, чтобы сражаться.

Аркхан захватил Алкадизаара и в оковах доставил его в Нагашиззар, к подножию трона Нагаша.

Нагаш поведал Алкадизаару все ужасные подробности того, что дальше произойдёт с Нехекхарой за неподчинение его воле. Нагаш сказал, что намерен оживить каждый труп, мумию и скелет в империи и сделать их своими солдатами в уничтожении всей жизни в мире. Алкадизаар был брошен в самую глубокую темницу Нагашиззара, где дожидался волеизъявления Великого некроманта. Я не сомневаюсь, что свернувшись калачиком во тьме, побеждённый царь вспоминал светящиеся провалы в черепе Нагаша и был уверен, что тот располагает всеми необходимыми силами и волей, чтобы довести дело до задуманного ужасного конца.

НАГАШ ПОДГОТОВИЛСЯ к предстоящей задаче. В ходе ритуала, занявшего целый день, он поглощал огромное количество искривляющего камня, пока тело его не вспыхнуло сияющей энергией. На костях Нагаша сгорели последние остатки плоти, и он стал выглядеть живым скелетом, облачённым в чёрный доспех. Многие сотни одурманенных зеленокожих были извлечены из темниц и один за другим принесены в жертву на

алтаре Нагаша, в то время как Великий некромант пожирал Секхем из их душ.

Целый день и целую ночь, пока Моррслиб сияла с небес, Нагаш нараспев произносил слова своего величайшего заклинания. В темницах под Нагашиззаром завывали немногие уцелевшие перепуганные орки. Всех живых существ на континенте тревожили зловещие кошмары. Необычные огни засияли в глубине Кислого моря. С высоты своей башни Нагаш горстями бросал в воздух

сверкающую пыль искривляющего камня. Холодный ветер уносил её от Нагашиззара, и она собиралась в огромные клубящиеся облака, а затем в виде чёрного дождя пролилась на все города, некрополи и поля сражений Нехекхары. На какое-то время всё замерло, а затем по всей стране зашевелились мертвецы.

В легендах рассказывается, как стенали и вопили демоны и боги людей, когда души и части душ были насильно забраны из-под их власти, однако не могли ничего

сделать для предотвращения этого ужасного события: столь внушительной оказалась в тот момент сила Нагаша. Так это или нет, но мёртвые глазницы зажглись огнями по всей стране. Непроницаемая тьма, окаймлённая слабой багровой аурой, заполнила сотни тысяч гниющих глазных яблок и пустых глазниц. Один за другим, всё больше трупов недавно умерших жертв болезней поднимались и начинали идти, в то время как древние мертвецы огромных некрополей сдвигали крышки своих саркофагов и выходили наружу из гробниц.

Понуждаемые непреклонной волей Нагаша, давно умершие воины занимали свои колесницы и выезжали в заполненную привидениями ночь. Призраки покидали свои убежища, и повывезала всякая нечисть. Бесчисленные мертвецы организовывались в стройные ряды. Пробуждались души, заключённые внутри обёрнутых в саван мумий давно умерших царей, которых заклинание Нагаша, вопреки их собственному желанию, вынуждало покидать пирамиды и возглавлять своих прежних подданных. Оживлённая могучей волей Нагаша, к Нагашиззару начала стекаться самая огромная армия, которую только видел мир. Этот поход так и не был завершён.

Истощённый огромными затратами энергии, потребовавшейся для сотворения заклинания, Нагаш спустился в тронный зал и впал в глубокий транс. В то время как армия нежити двигалась к Нагашиззару, на тот опустилась зловещая тишина. Словно в столицу Великого некроманта явилась, наконец, окончательная и бесповоротная смерть.

Выброс энергии оказался столь велик, что не остался незамеченным и в иных местах. Совет Тринадцати в конце концов догадался, что намерен сделать Нагаш, и пришёл в ужас. Имея под командованием сотни тысяч воинов-нежити из всех веков существования Нехекхары, Нагаш станет непобедимым. Помощь скавенов ему явно более не потребуется, и весьма вероятно, что Великий некромант может

достойно отплатить им за предыдущие нападения на его царство. Почувствовав, что Великий некромант на какое-то время затих, Совет решил, что это может оказаться их последним шансом остановить Нагаша. Так как задача была самоубийственной, они не смогли найти ни одного скавена, которому можно было бы доверить уничтожение Великого некроманта. Многие члены Совета сомневались, что их оружием удастся убить Нагаша, другие просто боялись, что он может очнуться в тот момент, когда они окажутся в его тронном зале. Случись такое, никто из них не пожелал бы оказаться лицом к лицу с Нагашем, зная о его фантастической силе.

В итоге им в голову пришёл другой план. Совет быстро объединил усилия, и буквально за несколько дней был выкован клинок невероятной разрушительной силы, исписанный рунами, настолько вредоносными, что в итоге станет столь же губителен для своего обладателя, как и для Нагаша. Совет Тринадцати это обстоятельство не беспокоило, ибо никто из них не

собирался брать в руки это оружие. Вместо того они отправили в темницы Нагаша самых смелых своих прислужников со смертоносным клинком в свинцовом ларце. Потайными ходами скавены проникли в сердце твердыни Великого некроманта. Никто из часовых не поднял тревогу, и в итоге скавены добрались до камеры, где находился закованный в цепи Алкадизаар.

Они без объяснений освободили Алкадизаара и вручили ему меч. Взявшись за рукоять, царь почувствовал, как можно пройти в тронный зал некроманта, ибо наложенные на клинок чары указывали путь. Не обратив внимания на убегающих крысолюдей, Алкадизаар в мёртвой тишине крался по коридорам крепости. Через некоторое время он добрался до тронного зала Великого некроманта. Бесшумно ступая по плитам из чёрного мрамора, он подошёл к молчаливо возвышающейся фигуре Нагаша. Глаза Нагаша потускнели, и он не шевелился. Руны на его короне не светились. Мгновение Алкадизаар гадал, не представляет ли это некую злую шутку, новый вид пытки. Потом решил, что это не имеет значения. Занеся клинок, он резким движением нанёс удар.

В последний момент, предупреждённый каким-то шестым чувством, Нагаш пошевелился и поднял руки, чтобы отразить убийственный удар. Зачарованный клинок скавенов отсёк запястье, и когтистая рука Нагаша упала на пол. Магия, пронизывавшая его тело, была настолько сильна, что рука по-прежнему сохраняла какую-то подвижность и, словно огромный паук, скрылась в тёмном коридоре. Нагаш ещё не восстановил силы после сотворения заклинания пробуждения, но достаточно окреп, чтобы уничтожить любого смертного. Нагаш бросил в Алкадизаара заклинания, которые должны были содрать плоть с костей царя. Совет Тринадцати, находясь очень далеко от места событий, воспользовался своей мощью для защиты своей человеческой марионетки.

Отчаянным напряжением всех сил они

сумели отразить магические атаки Нагаша. Яростное разочарованное шипение вырвалось из лишённых плоти губ некроманта. Алкадизаар снова нанёс удар, который рассёк рёбра Нагаша и сломал ему позвоночник. Взмахнув оставшейся рукой, Нагаш вцепился Алкадизаару в горло и принялся душить. Бисеринки крови выступили на шее мужчины в тех местах, куда вонзились когти некроманта. Нагаш поднял царя одной рукой, так что ноги его оторвались от земли.

Очередным взмахом меча Алкадизаар перерубил руку Великого некроманта в локте. Упав на пол, он принялся иступлённо рубить Нагаша. Наконец, начало сказываться воздействие демонических скавенских рун, и неестественная жизненная сила покидала Нагаша. Его тело, столь долго сопротивлявшееся неумолимому ходу времени, начало обращаться в пыль. В предчувствии победы, Алкадизаар усилил натиск, рассекая умирающего некроманта на тысячи частей.

Наконец, когда от Нагаша не осталось ничего, кроме осколков разломанных костей, Алкадизаар поднял корону Нагаша и, пошатываясь, покинул крепость. Этого момента ожидали скавены. Стремительно сбежались их налётчики и отнесли осколки тела Нагаша к его кузням. Все останки Великого некроманта были сожжены в огне, подпитываемом искривляющим камнем, с помощью которого Нагаш создал свои ужасные приспособления и доспех. Осталась необнаруженной лишь его рука, а потому частица Нагаша уцелела.

С гибелью Великого некроманта многие из тех, кто был им оживлён, обратились в прах. Однако энергии, высвобожденные великим призывом Нагаша, оказались настолько велики, что не могли развеяться полностью. Многие из прежних обитателей Нехекхары остались существовать в виде наводящей ужас нежити, и некоторые из них постепенно возвратились в знакомые им места и сражались друг с другом за главенство. Среди древних царей, преждевременно воскрешённых заклинаниями Нагаша, наиболее

могущественным оставался Сеттра, который вновь подчинил весь Кхемри своей власти. Так возникло Царство мертвецов.

С тех пор и на протяжении тысячелетий, цари и жрецы-личи Нехекхары изучали способы контроля низшей нежити в своих владениях, приспособив для этого те ритуалы, которые изначально использовались для оживления ушабти и связывания душ и тел умерших царей. За столетия изменениям подверглись даже монументы Нехекхары, ставшие отражением омертвелости цивилизации. Если кто-нибудь в наши дни посетит эту мёртвую и засушливую территорию, то заметит, что почти каждая статуя, разрушающаяся фреска и даже иероглифические письмена теперь содержат в себе знаки черепов и прочих символов смерти.

ПОСЛЕ УНИЧТОЖЕНИЯ Нагаша Алкадизаар блуждал по Проклятой яме, доведённый до полубезумного состояния пережитыми ужасами и сводящим с ума воздействием клинка Совета Тринадцати. Хотя крепость была наводнена скавенами, лишь самые

безрассудные осмеливались встать на пути Алкадизаара, когда замечали его оружие, и погибали такие практически сразу.

Алкадизаар с боем пробился из Нагашиззара. Он уничтожил самого смертоносного противника, с каким только сталкивался любой из смертных, но дорого заплатил за это. Губительная

энергия сжатого в кулаке оружия потихоньку убивала его. В местах контакта с клинком на руке появились ожоги, и в итоге Алкадизаар бросил его в огромную расщелину за Нагашизаром. Корону Нагаша он сохранил.

Обезумевший и умирающий царь побрёл на север, в горы Края Мира, где, в конце концов, упал в воды Слепой реки. Алкадизаар утонул, и его окоченевшее тело, по-прежнему удерживающее корону мёртвой хваткой, течением отнесло в Скверноземелье. В те дни Скверноземелье было раздроблено и служило ареной битвы кочевых племён людей и орочьих кланов. Кадон, шаман кочевого народа Стригоса — так они называли этот регион — нашёл обледеневшее тело Алкадизаара в талом весеннем снегу на берегу Слепой реки. Кадон понял, что перед ним могучий воин, и приказал соорудить курган для тела Алкадизаара. Корона чем-то его привлекла, и он оставил её себе. Вряд ли Кадон сознавал, что в корону вселилась часть духа Великого некроманта, который сообщил старику некоторые из секретов Нагаша.

Сны Кадона были полны нащёптываемых обещаний, а разум наводнили мечты об империях. Вскоре, отравленный колдовскими нащёптываниями короны, Кадон стал всего лишь бледной и жалкой тенью воли самого Нагаша. Шаман сказал своему клану, что им следует построить поселение рядом с погребальным курганом Алкадизаара. Со временем

поселение стало городком, а затем городом, который Кадон назвал Моркейн, что на языке его народа означало «место смерти».

Мысли Кадона заполняли чудовищные видения, и он начал воспроизводить труды Нагаша, изложив на бумаге тёмную историю Великого некроманта и многие из его тайных знаний. Под действием короны изменилось его мировоззрение, и он стал поклоняться Нагашу, как богу, принудив к этому и своих последователей. Вскоре был возрождён культ Нагаша, и нежить встала на страже его храмов. Сам Кадон считался самым ревностным почитателем Нагаша и пророком тёмного бога.

Кадон не был заурядным последователем, но по праву являлся могучим чародеем, и он начал создавать собственные заклинания, используя знания Великого некроманта, наполнявшие его мысли. Изготовленными из крови чернилами он написал свою печально известную книгу заклинаний в переплёте из человеческой кожи. Моркейн стал обителью беспросветного зла. Скверноземелье не отличается плодородностью, и население Моркейна никогда не было велико, но посредством труда оживлённых мертвецов возводились крепости и раскапывались курганы. Гномы Барак Варра, некогда торговавшие с людьми, отвернулись от них и стали избегать.

Последователями Кадона была найдена отсечённая рука Нагаша, привлечённая, вне всяких сомнений, силой короны. Кадон забрал её и, наложив на неё ужасные чары, превратил в могущественный артефакт, которым пользовался для устрашения своих последователей. В какой-то момент армии Моркейна осадили гномью твердыню Барак Варр, но не смогли преодолеть окованные железом стены крепости и через некоторое время отступили. Некроманты Моркейна всё больше отрывались от реальности и погружались в себя, и период экспансии завершился, но многие традиции чёрных искусств, которые, с незначительными отличиями, возникли в Старом Свете и Арабии, своими корнями уходят в труды рассеявшихся по миру учеников Кадона.

НЕКОТОРЫЕ **ХАРАКТЕРИЗУЮТ** некромантию, как искусство общения с духами и душами умерших смертных и принуждения их к служению заклинателю. Другие расценивают её, как искусство оживления скелетов и тел мёртвых людей. Прочие продолжают называть стремлением к бессмертию. В действительности, некромантия представляет собой всё вышеописанное, и даже нечто большее.

Некроманты всем своим существом встают против мёртвой хватки смерти и контроля богов и демонов над душами смертных. Проще говоря, те, кто изучает некромантические искусства, хоть и имеют дело со смертью, но презирают её и стремятся избежать любой ценой. Более того, к изучению некромантии неизменно

стремятся недолговечные смертные, а не представители долгоживущих старших рас. Могу себе представить, что азур, продолжительность жизни которых и так внушительна, могут иначе воспринимать неумолимый ход времени, чем недолго живущие смертные. Так или иначе, гномы не имеют способностей к магии, а зеленокожих мало беспокоит собственная брэнность, и они не испытывают такого страха перед смертью, как люди. Хоть сие для меня необъяснимо, скавены живут в патологическом страхе перед своим демоническим божеством и слишком заняты собственными сиюминутными задачами, чтобы питать интерес к некромантии. Крайне редко какое-либо иное существо, кроме человека, решается на изучение искусства некромантии и вступает на путь, который ведёт или к непреходящей жизни, или к вечному проклятию.

Что бы там ни говорили недалёкие жрецы Сигмара, но обращающиеся к некромантии индивиды вовсе не обязательно склонны к злу. Справедливо, что многие из тех, кого привлекает искусство некромантии, уже могут обладать предрасположенностью к безумию или чрезвычайной паранойе, ибо что же ещё может вызвать у смертного подобное влечение к невероятно опасным знаниям? Потеря любимого человека, отчаянное стремление к власти ради достойного дела или простой страх смерти — всё это может побудить человека к поиску запретных знаний. Встречаются даже те, кто жаждет знаний явно ради самих знаний, или стремится спасти собственную жизнь, либо жизнь любимого человека.

Тем не менее, обычный человек, вступивший на сей путь, вероятнее всего, рано или поздно за это пострадает. Я полагаю, что именно пагубная сила воздействия тёмной магии на разум человека приводит к безумию тех, кто изучает некромантию, и я не верю, что мозг нормального человека приспособлен для управления тёмной магией без вреда для себя. Как результат, некроманты всегда презираемы всеми «добрыми» и «порядочными» гражданами Империи, а охотники на ведьм преследуют их с таким же рвением, как и хаосопоклонников.

Изучение некромантии сопряжено с большими трудностями. Желающий изучать искусство должен либо разыскать некроманта и стать его учеником, либо обзавестись одной из запретных книг по некромантии, таких как „Либер Мортис“ или одна из Девяти книг Нагаша.

Поиск наставника имеет свои очевидные сложности. Некроманты избегают общества и, если только не абсолютно

уверены в своих силах, стараются оставаться необнаруженными. К тому же, принимая во внимание отвратительную репутацию и ужасные привычки некромантов, возможно более безопасным будет поискать книги. Многие из тех, кто стремится обучаться у некроманта, в итоге служат ему более неприглядным способом, например, в качестве оживлённого трупа.

КНИГИ ДРЕВНЕГО знания таят свои опасности. Многие представляют собой копии старых текстов из позабытых времён, а в ходе переписи нередко возникали ошибки. Нет никакой гарантии, что описание любого из содержащихся в них ритуалов приведено верно. Некоторые попросту не срабатывают. Другие могут привести к катастрофическим ошибкам, наподобие той, когда печально известный Жак де Нуаро непредумышленно оживил все трупы на кладбищах Музильона, а затем обнаружил, что не в состоянии их контролировать. Оживлённые трупы, в которых заклинание пробудило неутолимый аппетит к человеческой плоти, сожрали некроманта, а затем свирепствовали на улицах Музильона. Лишь со временем они были уничтожены благодаря вмешательству дружины правящего в то время герцога.

Первыми и наиболее известными из тех зловещих фолиантов являются Девять книг Нагаша. В невероятно далёкой древности эти внушающие ужас книги написал Великий некромант Нагаш. В них содержатся все знания по искусству некромантии. Все остальные книги о некромантии в той или иной мере основываются на этих нечестивых фолиантах, и хотя были составлены некоторые новые заклинания, все они так или иначе связаны с изначальными заклинаниями Нагаша, либо являются их упрощённым вариантом или производной. Многие из величайших заклинаний Нагаша слишком сложны для обычных смертных, ибо на пике возможностей Нагаш мог соперничать мощью с самими богами, однако прилежный ученик найдёт в них всю необходимую информацию, чтобы стать некромантом.

Призыв и управление мертвецами, заклинания, необходимые для вызова духов, равно как и секрет продления жизни путём похищения жизненной силы живых существ, описаны также и на страницах „Либер Мортис“. „Либер Мортис“ являет собой лучший источник знаний о некромантии, доступный большинству исследователей Старого

Света. Книга написана некромантом Фредериком ван Халом, более известным последующим поколениям под именем Ванхал. Одна полная копия этой книги хранится под замком в сокровищницах главного кафедрального собора Сигмара в Альтдорфе и доступна для изучения лишь тем исследователям, что наиболее чисты сердцем, и лишь с особого дозволения самого Верховного теогониста. У меня есть собственная копия этой замечательной книги.

В Сораном был написан „Гримуар Некрониум“. Помимо некромантических заклинаний он наполнен мрачными пророчествами будущего, согласно которым настанет время, когда Империя обратится в руины и лишь мертвецы будут бродить под лишёнными солнца небесами, а бессмертные вампиры станут править жалкими рабами и охотиться на них развлечения ради. Говорят, что любой из прочитавших книгу В Сорана погрузится в тёмные омуты безумия, из которых нет возврата. Я не могу утверждать, правда это или же нет.

Практикующие опасное искусство некромантии сталкиваются со многими рисками. Некоторые пытаются увеличить естественную продолжительность своей жизни на десятилетия или даже столетия. Некоторым сопутствует успех, и они сохраняют свои физические тела и какую-то часть рассудка, но чаще всего результат оказывается ещё более ужасным, чем смерть. Продолжительное применение тёмной магии опустошает душу и деформирует тело, и со временем некромант внешне всё больше и больше напоминает мертвеца.

Некроманты защищают себя от губительного воздействия тёмной магии с помощью фиолетового ветра магии, называемого Шайиш, используя тот в качестве нематериальных клещей для захвата тёмной и чёрной магии, а затем её перенаправления в мёртвые существа или духов. Несмотря на подобные предосторожности, взаимодействие с тёмной магией постепенно оказывает негативный эффект на некромантов-людей. В итоге, за очень редким исключением, разрушается их острый ум, тела превращаются в

смердящие ходячие трупы, а рассудок утрачивается под воздействием ужасов, с которыми они сталкиваются в мире мёртвых.

Повсеместно люди ненавидят некромантов. Люди Старого Света

почитают мёртвых и жрецов Морра, а охотники на ведьм неустанно выслеживают всех, кто нарушает покой усопших. Многие амбициозные некроманты нашли свой конец в очищающем огне охотников на ведьм.

БИТАТЕЛИ МИРА духов — этого неосязаемого и невидимого аспекта реальности, существующего в том же пространстве и времени, что и мир смертных — весьма разнообразны. Не вполне верно именовать мёртвых просто духами. Здесь приводится описание некоторых наиболее распространённых существ и сущностей, которые либо возникли с появлением некромантии, либо, по меньшей мере, могут быть призваны, подчинены и контролируемы с помощью искусства некромантии.

Только чёрная магия, или Дхар, обладает неукротимой мощью полностью разрушить ограничения мира смертных в тех пределах, которые позволяют управлять мёртвыми, хотя искривляющий камень почти всегда играет главную роль в искусстве некромантии. В некотором смысле, искривляющий камень являет собой тот идеал, который искал Нагаш в своих странствиях по пустыне, ибо он есть магия, обретшая материальную форму в мире смертных и более не нуждающаяся в ветрах магии для своего поддержания. Эта магия сохранила мощь, которой можно воспользоваться для призыва демонов или общения с богами, будучи уже материализованной в мире смертных. А потому искривляющий камень не нуждается в непрерывном взаимодействии с ветрами магии, Вратами Хаоса или любыми иными мостами между миром смертных и миром божеств. Это Секхем, изолированная от мира демонов, что само по себе является идеальным обстоятельством для некромантии.

Ходячий мертвец или *зомби*. Это простейшее из всех неживых существ, в том смысле, что представляет собой, на что способно и каким образом может быть создано. По существу, зомби — это довольно свежие трупы, оживлённые искусством некромантии. Чтобы оживить зомби должным образом, у тел должны сохраниться головы, ибо наличие мозгов, хоть и сгнивших, есть секрет относительной простоты их создания.

Для создания зомби опытному некроманту достаточно лишь оживить труп, сохранивший мозг, а затем внедрить

в этот гниющий мозг те немногочисленные основные команды, исполнение которых требуется от зомби. После этого зомби будет бесконечно долго оставаться оживлённым и следовать простым инструкциям, заложенным в мозг, и, следовательно, в случае необходимости может быть предоставлен самому себе.

Если воспользоваться представлениями нехекхарцев об элементах живого существа, кои несомненно являются теми принципами, на которых основывается некромантия, то зомби есть Кха [труп], Кхайбит [обладающий тенью] и Секхем [магия], чтобы первоначально оживить труп и внедрить в его мозг простые команды. Вот и всё.

Среди всех существ, призываемых или создаваемых некромантом, зомби является наиболее неорганизованным и медлительным. Причина в том, что достижение им цели больше зависит от гниющего тела и мозга, чем от магии, и, разумеется, его мускулы понемногу разлагаются, равно как и мозг, содержащий простые мотивационные инструкции. По факту, для оживления трупа нужно крайне мало магии, хотя её необходимо жёстко контролировать весьма специфическим способом.

Скелеты. Это именно скелеты смертных, оживлённые и поддерживаемые тёмной магией. Можно вполне логично предположить, что оживлённый скелет обладает меньшими возможностями, чем зомби, который, помимо прочего, представляет собой более устойчивое создание, однако в действительности всё иначе. Оживлённые скелеты как раз потому обладают большей подвижностью и инициативой, чем оживлённые трупы, что в этом не зависят от разлагающихся мускулов и органов.

Проще говоря, для оживления скелета необходимо большее количество магии: как для поддержания его целостности, так и для придания силы и цели. Тогда как зомби — это труп, получивший вливание магии, некоторые основные инстинкты и поставленную цель, а затем предоставленный себе; скелету необходимо, чтобы некромант основательно пропитал его магией, что делает его несколько сильнее зомби. Это

означает, что для оживления скелета необходимо немного больше усилий и, следовательно, времени, чем для оживления трупа с уцелевшим мозгом. Некромант должен быть более умелым и обладать более высоким уровнем концентрации и контроля, чтобы создать скелет и поддерживать его в рабочем состоянии.

По существу, скелет — это Кха, Секхем, Кхайбит с частью Ка [эго].

Голем. Голем подобен скелетам и зомби, но внушительнее их обоих. Голем не обязательно являет собой останки умерших смертных, а может быть каменной статуей, или скульптурой из дерева, или любой иной оболочкой. По существу, голем является высшим достижением оживляющего аспекта

некромантии. Это искусственная конструкция, пропитанная магией, благодаря которой обретает возможность двигаться и, в некотором смысле, жить. В отличие от скелетов и зомби, големов можно наделить мотивацией после их изготовления, и потому они практически не обладают самостоятельным мышлением.

В качестве некой разновидности големов можно рассматривать ушабти древней Нехекхары, хотя те оживляются и наделяются мотивацией с помощью священных магических ритуалов, а не искусства некромантии. Преимущество големов в том, что они сильнее, быстрее и гораздо стабильнее зомби и скелетов. Как только големы оживлены и наделены

зачатками личности и мотивацией, они будут продолжать существование даже после смерти своего создателя, что крайне редко, если вообще когда-либо случается в отношении зомби и оживлённых скелетов.

Из големов получают превосходные стражи, ибо внешне они могут ничем не отличаться от статуй и обладают всеми необходимыми средствами для распознавания своих и чужих, если возникает подобная необходимость.

Голема можно изготовить почти из любого материала и придать ему

практически любую форму, но внутри эти материал и форма связываются внушительным количеством Секхем — эго, и личностью, то есть Ка, и обладают Кхайбит.

Духи или привидения. Эти рассеянные сущности представляют собой души или фрагменты душ умерших смертных, запертые в мире духов, что находится по эту сторону Царства Хаоса. Повсюду вокруг нас находятся духи и бесплотные тени, большинство из которых так же не замечают нас, как и мы их. Подобные сущности материализуются благодаря тому, что слабого магического фона, которым пронизан этот мир, достаточно для поддержания некоторых душ после смерти в некоем подобии целостности и удержания их в мире смертных. Высока вероятность, что со временем такие души будут утянуты из мира смертных в эфир, где они либо полностью распадутся до чистой духовной энергии, либо будут захвачены или поглощены каким-нибудь богом или демоном.

Если окружение не пропитано магией в достаточной степени, то духов действительно очень сложно захватить и заставить материализоваться — что справедливо и в отношении материализации демонов, хотя духам магии требуется значительно меньше. Лишь наиболее умелые некроманты могут хоть как-то рассчитывать на использование этих блуждающих теней и фрагментов душ.

Довольно редки случаи, когда некроманту удаётся поймать и подчинить целостную душу умершего, прежде чем та начнёт распадаться на части или будет утянута в Царство Хаоса. Обычно некромант способен притянуть один исчезающий аспект души смертного, вроде гнева или досады [полтергейсты], и вынудить этот аспект материализоваться и выполнять его повеления. Однако для подчинения и материализации духа необходимо точно знать конкретный аспект души, в отношении которого осуществляется попытка контроля, и, разумеется, также необходимо имя существа, которым некогда была душа: некромант либо принуждает дух раскрыть своё имя, либо был знаком с ним при

жизни.

Привидение можно рассматривать как Ка, Рен [имя], Секхем и Ба [эмоция].

Призраки. Призраки — это несомненные порождения тьмы. Те смертные, которые пользуются тёмной магией для продления собственных жизней — как это делают некроманты, — сталкиваются со многими ужасными опасностями. Иногда некроманту удаётся навечно связать свои душу и тело, в то время как прочие вообще утрачивают физические тела, но сохраняют свою личность и имеющуюся связь с миром смертных. Это и есть призраки.

Они — это, по большей части, тень, или Кхайбит, и Ка, эго. Они холодны и, если стремятся сохранить форму и личность, а не деградировать в очередной блуждающий дух, то постоянно нуждаются в восстановлении своей Секхем. Это достигается похищением Секхем у живых. В этом отношении они похожи на вампиров, однако в значительной степени представляют собой иллюзорные тени, переносимые с места на место, в то время как мы, вампиры, являемся материальными существами и

можем делать, что нам угодно. Для подчинения призрака необходимо знать истинное имя, Рен, которое тот носил при жизни.

Умертвия. Их можно описать, как союз воскрешающей некромантии с некромантией, подчиняющей дух, ибо умертвие обладает физическим телом, или Кха, с которым связана почти целостная душа и личность. Для могущественного некроманта не является чем-то особенным создание умертвия из павшего воина, выдающегося своим мастерством, чтобы тот стал его защитником.

Почти невозможно просто вновь вселить душу в тело умершего воина, если только душа умершего не была связана с его телом заклинаниями, или в момент смерти под рукой не оказался особо опытный и могущественный некромант. Это потому, что душа либо распадается в мире духов на отдельные воспоминания и побуждения, либо утягивается в эфир. Как только она попадает в эфир, почти невозможно извлечь оттуда все части души и связать их между собой, в немалой степени потому, что за освобождение души

вероятно придётся сражаться с волей демона. Лишь Нагаш, первый и величайший из всех некромантов и почти подобный богу на пике своей силы, ухитрялся достичь эфира и извлечь душу целиком. Прочим из нас, кто пожелает создать умертвие, остаётся лишь, в первую очередь, предотвращать ускользание души в эфир, либо рассчитывать отыскать тех погребённых мертвецов, души которых были связаны с телами заклинанием.

По существу, умертвие — это Кха, Кхаибит, Ка, Рен, Секхем и часть Аб.

деградировавшего человека-каннибала, изменённого тёмной магией и персональным самовосприятием. Они живые, а питаются либо своими умершими, либо иными найденными трупами. Будучи живыми, они, тем не менее, утратили рассудок, а также некоторые аспекты своих душ. Это означает, что у гуля отсутствует осознание и подлинное ощущение личности, равно как и персональное имя.

Гули — это Кха, Кхаибит, Ка, Ба и Секхем.

Гули. Гули представляют собой специфическую разновидность

ХОТЯ УШОРАН НЕ БЫЛ ни прирождённым лидером, как Вашанеш, ни превосходным политиком, как его старшая сестра Неферата, он умел убеждать своим сладкоречием. Впридачу, хоть Ушоран и близко не мог сравниться со столь умелым бойцом, как Абхораш, внушительной физической силой и выносливостью он превосходил всех своих чистокровных братьев и сестёр. Его единственным недостатком было то, что, несмотря на невероятную силу и бессмертие, он всё же остался жалким и неуверенным человеком. Будучи ребёнком, он ничем не выделялся, за исключением состязаний в силе, а став старше, обнаружил, что не пользуется уважением у прочих аристократов царского двора, хоть и является братом царицы. В свою очередь, царица уделяла ему мало внимания: хоть их детские годы прошли вместе, чувство неуверенности и бесполезности проявлялось у Ушорана тем, что он постоянно издевался над сестрой.

В зрелом возрасте, как до, так и после своего перерождения в качестве бессмертного, Ушоран нашёл себе место в ламийском обществе, заняв должность Повелителя масок, который при дворе планировал и возглавлял все крупные празднества и пиршества. Но это лишь укрепило его в ощущении, что прочие царедворцы смотрят на него свысока, ибо хоть те и наслаждались организованными Ушораном маскарадами и его демонстрациями силы и смелости им на потеху, его никогда не воспринимали всерьёз... пока он не испил Эликсир бессмертия.

После того, как Вашанеш пожертвовал собой ради освобождения от власти Нагаша, и перед тем, как оставшиеся чистокровные вампиры разбрелись в разные стороны, Ушоран попытался убедить своих вампирских братьев и сестёр, что им следует двигаться группой и создать для себя новое государство. Другие вампиры не были заинтересованы в совместном основании нового государства, особенно такого, в котором они, по словам

Ушорана, станут правителями, ибо по понятным причинам опасались, что подобное государство привлечёт внимание Нагаша, а в итоге и его месть. Они посмеялись над Ушораном, предпочтя следовать собственными путями. Ушоран впал в ярость и проклял их.

Так, оставшиеся чистокровные вампиры разбрелись по миру и затаились, страшась привлечь внимание Нагаша. Хотя чистокровные не могли никому доверять, в том числе и друг другу, они могли полагаться на низших вампиров, создаваемых посредством Кровавого поцелуя, ибо такие вампиры всегда будут невольниками своих создателей. С этой целью каждый изначальный вампир в разные периоды своего существования создавал невольников, ожидая момента, когда снова сможет объявиться. Остальных вампиров почти не удивило известие, что первым себя обнаружил Ушоран, вечно нетерпеливый и жадный до внимания.

Ушоран многие годы бесцельно скитался в горах, прежде чем его снова занесло в места, ныне известные как Скверноземелье. Там он обнаружил царство Моркейн на землях Стригоса, которые располагались у западного подножия гор Края Мира. Царством правил Кадон, владевший артефактами, которые, насколько помнил Ушоран, принадлежали Нагашу. Это открытие взволновало Ушорана, но поразмыслив над историей обретения Кадоном этих артефактов, он пришёл к выводу, что Нагаш, должно быть, мёртв. Теперь Ушоран сможет преобразовать это царство в действительно мощное государство с собой во главе, не опасаясь навлечь возмездие ныне уничтоженного Нагаша.

Задействовав всю доступную ему мощь некромантии и продемонстрировав Кадону и его последователям свою почти идеальную вампирскую неуязвимость, Ушоран сумел убедить смертных, что в действительности является посланником Нагаша — существа, которого они боготворят. За последующие десятилетия он сумел создать небольшую группу

последователей-вампиров, каждый из которых занял высокое положение среди городской аристократии. Через столетие потомки Повелителя масок занимали многие важные посты в Моркейне, столице Стригоса. В итоге Ушоран сверг Кадона, убил царя-некроманта и присвоил его артефакты. Ушоран надеялся, что с их помощью сможет контролировать своих вампирских братьев и сестёр, которые столь бессердечно его отвергли.

Став правителем Моркейна, Ушоран сделал всё необходимое, чтобы не повторить то, что он считал ошибками ламийского двора. Он приказал своим вампирам кормиться исключительно на тех, кто заслужил смерть: преступниках, пленных врагах и т.п. С таким сильным правителем царство

процветало, и остальным вампирам довольно скоро стало понятно, что там не обошлось без представителя их вида, а Ушоран особо не скрывал, кто он и что собой представляет. По неосмотрительности Ушоран отправил своих невольников разыскать остальных чистокровных вампиров и просить их явиться в его царство, где под его руководством они смогут основать новую династию. Его собратья были не настолько глупы, ибо знали, что Ушоран владеет короной и рукой Нагаша, с помощью которых сможет подчинить их.

Неферата была первой, кто отверг приглашение Ушорана. Она убила посланника и выпила его кровь, а кровоточащие клыки, собственноручно вырванные из его рта, отослала Ушорану в знак своего презрения. Сама

же Неферата создавала вампирскую сеть среди развивающихся племён, которые впоследствии образуют Империю, а также среди людей более южных земель, которые однажды станут известны как Бретонния, Тилия и Эсталия. Успешно воспользовавшись этим преимуществом, вампирские сёстры Нефераты использовали всё своё влияние, чтобы натравить на смертельно опасного Ушорана различных вождей и полководцев этих земель. С этого момента земли Стригоса оказались окружены врагами со всех сторон.

Люди могли лишь совершать набеги на царство Ушорана, ибо не было среди них единства, не было союзников и порядка, чтобы одолеть его дисциплинированную армию, и до появления Сигмара Молотодержца это относилось к любой человеческой нации севера. К несчастью для Ушорана, сам факт набегов варваров на приграничные городки и деревни его царства придавал зеленокожим с окрестных гор уверенность, что необходимо преодолеть свой страх перед Моркейном и его ужасными клыкастыми воинами. Вскоре могущественный полководец зеленокожих, известный как Гарснаг Зуболом и его шаман, известный лишь как Красный Глаз, повели громадную орду орков на столицу Ушорана.

Собралось бесчисленное множество зеленокожих, готовых смести армию Ушорана, уставшую и поредевшую за время своего похода к границам для отражения набегов человеческих племён. Выкрикивая дикие боевые кличи, орки ударяли грубо сработанным оружием о свои щиты, вызывая на бой армию вампира. Ушоран понимал, что противник значительно превосходит его числом, но практически не имел иного выбора, кроме как сразиться с ордой.

Орки недооценили мощь чистокровного вампира, и в первой же атаке на город сам Зуболом был повержен Ушораном, который, как рассказывают, голыми руками оторвал орку голову. Никто не осмеливался выступить против царя-вампира Моркейна, и атака орков могла

захлебнуться, если бы Красный Глаз не воззвал к дикой и непредсказуемой магии своих богов и не сразил Ушорана, окутав его зелёным разрядом сжигающей энергии.

Увидев, что их повелитель уничтожен, вампиры-потомки бежали с поля боя, понимая, что город обречён. Стремясь оказаться в безопасности среди своих собратьев, они искали остальных вампиров. Многие месяцы они скитались, избегая земель людей-варваров, которые так долго беспокоили границы Стригоса. В итоге они достигли земли, ныне именуемой Кислев, где обнаружили небольшой замок, внешне имевший сходство с подобными постройками далёкой Нехекхары, но более совершенный и выстроенный из другого камня. Им навстречу выступила фигура, закутанная в огромный плащ из волчьих шкур, которую вряд ли можно было с кем-либо спутать.

Молча и неподвижно, стоял Вашанеш перед собравшимися вампирами. Они умоляли его позволить им остаться и служить ему в качестве защитников. Вашанеш заметил, что эти стригои ещё более жалкие и мстительные, чем их предок. Он отверг их, посчитав бесполезными, и заявил, что в такую даль забрался не затем, чтобы встречаться со столь жалкими существами, как они. Стригои оскорбились словам Вашанеша, и целой дюжиной напали на него. Лишь немногим удалось спастись бегством.

Каждый раз, когда эти стригои натыкались на других вампиров, их ожидал похожий приём. Царица Неферата приказала своим потомкам разоблачать стригоев, если те попытаются внедриться в человеческие сообщества, в которых проживают ламийские сёстры. Потомки Абхораша презирали стригоев, как носителей всего наихудшего, что есть в вампирах, и прилагали все усилия, чтобы затравить стригоев, оказавшихся в землях людей. Вот так охотники стали жертвой. Стригои были вынуждены прятаться: повсюду находились враги, желающие их уничтожить.

Однако окончательным испытанием

для этих несчастных существ стало то, что даже если они успокаивали свой голод исключительно за счёт крови наделённых сознанием смертных, то были вынуждены охотиться на странствующие группы прокажённых и прочих изгоев, либо выкапывать недавно умерших, стараясь извлечь хоть какое-то скудное пропитание из их мёртвой свернувшейся крови. Потому как, охотясь более открыто, они рисковали привлечь мстительное внимание других вампиров, намеревающихся их раскрыть или уничтожить. Наиболее доступный источник человеческой или почти человеческой крови, которой могли питаться стригои, представляли дегенераты, обычно называемые гулями, которые тоже обитали в укрытиях, и добычу которых тоже составляли мертвецы и слабые. У стригоев практически не было выбора, кроме как продолжать существование таким крайне отвратительным способом, и поддерживает их лишь пылающее чувство обиды.

Движимые своим голодом, стригои оказались в таких местах, где более высока концентрация тёмной магии, и их измотанные души могли подпитываться грубой магической энергией, раз уж имелись сложности с более чистыми средствами к существованию. Однако стригоев по-прежнему влечёт к цивилизации, и они становятся более озлобленными и обезумевшими при виде того, как усиливаются многие расы Старого Света. Больше всего стригои ненавидят остальных вампиров, из-за которых они превратились в чудовищ, затаившихся на обочине цивилизации.

По возможности, стригои охотятся на диких зверей и грызунов, но столь неразумные существа никогда по-настоящему не способны утолить голод. Звериные духи этих существ в сочетании с кровью дегенератов-гулей и тёмной магией, столь охотно поглощаемой стригоями, преобразили их некогда прекрасные тела в нескладные, грубые и звероподобные — в насмешку над их прежним аристократическим обликом.

ВТО ЖЕ САМОЕ время, когда Сигмар основывал свою Империю, на север просочились тёмные слухи о том, что возродилось древнее зло. Совет Тринадцати полагал, что уничтожил Нагаша, однако ошибался. Такое могучее существо, крайне искущённое в уклонении от окончательной смерти, было не так просто спровадить в мир иной. Его телесная оболочка была уничтожена, но душа продолжала жить. Она ожидала у врат смерти, по-прежнему связанная с миром существованием руки Нагаша, его короны и гробницы в Чёрной пирамиде. Нагаш давно строил планы на случай возможной гибели и поместил часть своего духа и мощи в корону, что дало ему точку опоры в мире смертных. Хотя возвращение Нагаша могло занять многие столетия, оно было неизбежным.

Его тело было сожжено в кузнях Нагашиззара, и от него остались лишь мельчайшие частицы чёрного пепла, переносимые ветром. Одна за другой эти частицы соединялись воедино. За долгие столетия в пустоши Нагаша они понемногу укрупнялись, образуя гниlostные капли, которые дюйм за дюймом стекались отовсюду к Чёрной пирамиде Нагаша в Кхемри. По одной капле в год, саркофаг понемногу наполнялся омерзительной чёрной жижей, став тёмным коконом, внутри которого возрождался Великий некромант.

По мере загустевания жидкости формировались твёрдые, как кость, части тела. Внутри этого эбенового скелета вырастали неестественные внутренние органы. Червеподобные клубки вен оплетали формирующиеся

мышцы, проникая в них. Поверх всего этого вырастал зловеющий панцирь из ороговевшей кожи. Не отрастала только правая кисть, отсечённая Алкадизааром. Одной тёмной ночью, через столетия после своего поражения от скавенов, с саркофага медленно сдвинулась крышка, и Нагаш снова появился в мире.

Снаружи его гробницы раскинулся безмолвный Кхемри. Нагаш встал на вершине пирамиды и окунулся в тёмную энергию. Хотя и по-прежнему могучий по меркам смертных, Нагаш был лишь бледной тенью прежнего себя. Он был ослаблен долгим пребыванием в состоянии смерти, и часть его мощи по-прежнему была недоступна, находясь в руке и короне. Он призвал мертвецов Кхемри, но они в смерти ненавидели его так же, как при жизни, а Нагаш более не обладал силой подчинить их, как когда-то. Он смог взять под контроль часть бесчисленных мертвецов Кхемри, но прочие восстали, и на некоторое время в величайшем из некрополей развязалась гражданская война.

В конце концов Нагаш устал от противостояния и посетил остальные города мертвецов. Там повторилась та же история. Мертвецы помнили его и ненавидели с всепожирающей страстью, которую могли разжечь лишь столетия злосчастного существования. Хотя ни один из тех царей гробниц не был равным противником Нагашу, тот не мог выстоять против коалиции, созданной против него Сеттрой, первым царём-жрецом Кхемри. Второй раз за своё долгое существование Нагаш был изгнан из родной страны. Обдумав свою неудачу, он принял решение снова

воспользоваться мощью искривляющего камня, чтобы вернуть себе силы и отплатить своим врагам. Он отправился на север, снова вступив на тот путь, который давным-давно привёл его к берегам Кислого моря. На сей раз Нагаша сопровождала армия преданной ему нежити и его давний союзник Аркхан.

Добравшись, наконец, до Нагашизара, Нагаш обнаружил окопавшихся там скавенов. На протяжении лет они добывали искривляющий камень для собственных злых целей, пока тот почти не истощился. Сам Нагашизар стал гигантским рассадником крысолов, хотя и сравнительно малонаселённым, ибо в пустошь Нагаша была бесплодной, а всю провизию доставляли из других крепостей в обмен на искривляющий камень.

Одной ночью войска Нагаша пронеслись через Проклятую яму и одержали победу над захваченными врасплох скавенами, вытеснив их из города. Теперь Нагаш контролировал свою крепость, но обнаружив, что искривляющий камень практически исчерпан, пришёл в неописуемую, по меркам смертных, ярость. Были уничтожены все приспособления, посредством которых он очищал, насыщал и перерабатывал искривляющий камень для собственных чародейских нужд. Но даже окажись те в сохранности, искривляющего камня оставалось недостаточно, чтобы воспроизвести Великий призыв. Не утращённый армиями, которые Совет Тринадцати посылал для отвоевания Нагашизара, Великий некромант занялся делами. Первым стало создание огромной металлической руки взамен утраченной, которое он поручил своим прислужникам-нежити.

Была мастерски изготовлена искусственная рука, покрытая переливающимися рунами, на которые было больно смотреть. Она была такой же подвижной и функциональной, как обычная рука, но многократно сильнее. Теперь Нагаш снова мог держать оружие и собственноручно создавать разные приспособления. Призвав духов

мёртвых, он допрашивал их и постепенно, фрагмент за фрагментом, восстановил ход событий, которые произошли за время его длительного отсутствия. Он узнал об исчезновении Алкадизаара и о том, как корона и воздействие скавенского Смертельного клинка довели царя до безумия и гибели.

В ИТОГЕ ВНИМАНИЕ Нагаша привлёк дальний север, где теперь находилась его корона.

Закутавшись в чёрную мантию и многочисленные защитные чары, Нагаш тайно отправился в северные земли, намереваясь возвратить то, что ему принадлежало.

Долго странствовал он, многочисленны были его сражения на трудном пути к холодному северу, и, проходя через развалины Моркейна, призвал он духов, поведавших ему о произошедших там событиях. Он узнал о неосмотрительности Ушорана и его последовавшей гибели, а также об орочьем шамане, который присвоил его корону. Он выяснил, что корона довела шамана до глубокого безумия, а в итоге орк был уничтожен неким Сигмаром Молотодержцем из страны к северу от Скверноземелья, у которого корона и находится. Чувствуя в ней абсолютное зло, молодой император отказался пользоваться короной и поместил её под замок в свою сокровищницу, подальше

от глаз тех, кого она могла бы искушать.

И вот Нагаш прибыл в земли зарождающейся Империи и нашёл пристанище в давно покинутых развалинах эльфийского города Атель Тамары. Развалины стали его опорным пунктом, из которого он собирался прочёсывать север в поисках своей короны. Отсюда Нагаш отправил посланцев в становище Сигмара, заявив права на корону и предложив несметные богатства за её возвращение. Скрытая капюшоном фигура верхом на большой разлагающейся птице спустилась с небес, и воины племени содрогнулись от ужаса, когда тёмный посланец спешился и предъявил требования своего господина.

Однако Сигмар не собирался отдавать корону, и при виде решительности своего предводителя смертные воины воспряли духом. Их радостные крики смолкли, когда посланец заговорил вновь, заявив, что они глупцы, раз бросили вызов его господину. Сигмар поднял свой великий молот Гал Мараз

и обрушил его на неживую тварь. Та развеялась, оставив после себя лишь отвратительную тёмную мантию. Сигмар приказал сжечь останки.

Нагаш много месяцев копил силы. Его заклинания поднимали легионы мертвецов из могил, на его призыв приходили и прочие создания тьмы, пока не собралась могучая армия нежити, но ни один вампир не ответил на зов Нагаша. Наконец, он был готов начать войну с Сигмаром и его сторонниками. Огромная армия ходячих мертвецов маршем двигалась через леса Империи, убивая всех встретившихся на пути. Убитые пополняли ряды армии нежити, а оставленных в живых отправляли вперёд — нести весть о её приходе. Нагаш понимал, сколь сильным союзником является страх.

Люди севера были напуганы. Они победили орков и прогнали всех своих врагов, но теперь им встретился противник, вселяющий ужас. Один лишь Сигмар не испытывал страха. Он послал за подмогой к своим союзникам-гномам, и те отковали много мощного оружия с сильными чарами для уничтожения созданных некромантией врагов.

Две армии встретились на берегах реки Рейк поздней весной 15 года по имперскому календарю. Это был практически равный и ожесточённый бой. Два богоподобных существа перемещались по полю брани. Сигмар возглавлял неустанные атаки своих унбегонов и, бросаясь на врага с Гал Маразом, становился живой машиной уничтожения. На огромной чёрной колеснице проезжал через схватку Нагаш, сжимая в могучем металлическом кулаке завывающий чёрный рунический меч. В центре сражения оба титана встретились. Сигмар вспрыгнул на платформу колесницы и схватился с личем. То было столкновение фантастической силы, после которого оба свалились с колесницы.

Эти двое сражались около часа, в то время как вокруг кипел бой. Нагаш ранил Сигмара в руку отравленным клинком. Чувствуя, что силы его

покидают, Сигмар бросился в последнюю неистовую атаку. Молот молнией мелькал в его руках. Он снова и снова попадал в цель, оттесняя Великого некроманта к берегу Рейка. Но Нагаш чувствовал, что противник его слабеет, и продолжал бой. Тяжелораненый Сигмар снова бросился вперёд. Его молот опустил, словно метеор. Нагаш выставил блок и остановил молот. Довольно долго каждый пытался перебороть соперника. Искры сыпались от их скрещённого оружия. Лязг металл о металл заглушал вопли умирающих. Стальные сухожилия противостояли невероятной жизненной силе. Холодные голубые глаза сверлили взглядом страшные пустые глазницы. В итоге победителем вышел Сигмар, который отвёл в сторону клинок Великого некроманта и обрушил молот на голову своего противника.

Когда Некромант пал, из его разбитого черепа выплыло тёмное облако, которое клубом ядовитого дыма поднялось над полем боя, издавая вопли на языке, неизвестном присутствующим здесь смертным. Нагаш снова проклял вампиров всего мира за то, что они не явились на его зов о помощи, предрекая им отступить перед именем Сигмара Молотодержца, победителя их властелина, как сейчас вынужден сам Нагаш.

Легионы, оживлённые тёмной волей Нагаша, рассыпались. Скелеты обрушились грудой костей, зомби повалились наземь, а гули спасались бегством в лесных чащах. Лишь по окончании сражения Сигмар опустил на колени. Многие месяцы потребовались человеку-богу на восстановление от нанесённой Нагашем раны.

С другой стороны, у Великого некроманта многие столетия уходят на то, чтобы выбраться из своего саркофага в Кхемри и, уверяю вас, он явится снова. Мы, вампиры, чувствуем это своими душами. По крайней мере, теперь Великий некромант получил ценный, хоть и несомненно горький урок: есть в мире силы, способные взять над ним верх.

В НАИБОЛЕЕ ТРУДНОДОСТУПНОЙ части гор Края Мира возвышается уединённая гора, обычно называемая Серебряной вершиной. Давным-давно гномы выстроили здесь большую крепость, ибо Серебряная вершина была невероятно богатым источником драгоценных камней. На протяжении поколений гномы занимались их добычей, но одной ночью к горе каким-то образом прорвалась орда захватчиков, застав защитников врасплох. То были не зеленокожие или крысолюди, досаждающие многим прочим цитаделям гномов, но ходячие мертвецы, ведомые прекрасной бледной женщиной. Той женщиной была царица Ламии Неферата.

С тех пор минуло много столетий. Гномы давно покинули эту местность, и теперь здесь можно наблюдать лишь путешественников из стран человечества. Возможно, покажется странным, но некоторые из тех, кто посещал Серебряную вершину, возвращались живыми и делились впечатлениями, как, разумеется, и я сам, являясь, вероятно, исключением среди всех вампиров не из династии Нефераты. Рассказы об этом месте не полнятся ужасами, как могут подумать менее образованные и более суеверные. Наоборот, в них повествуется о роскошном дворе, организованном по образу и подобию

некой древней цивилизации — Нехекхары, и высеченном в скале дворце, статуи и стены которого украшены необычными росписями. Однако место это почти полностью погружено во тьму, и лишь в некоторые залы позволено проникать дневному свету. Здесь, хоть и скрывая свою личность в тайне, правит Неферата, окружённая прислужницами, ради которых готов расстаться с жизнью любой смертный мужчина. Им невдомёк, насколько часто подобное, в буквальном смысле, и происходит.

Сказания о царстве Царицы ночи распространялись столетиями, и встречаются в балладах Бретоннии, хрониках Империи и поэмах Тилии. Даже в касбах Арабии и парильнях Кислева можно услышать рассказы о ней. Разве удивительно, что это место разыскивали столь многие странствующие рыцари Бретоннии, а также купцы, стремящиеся продать принцессе свои драгоценности и прекрасные одежды. Стражи этого великолепного дворца одеты в чёрное и не открывают свои лица. Внутренние покои дворца освещают тысячи бездымных свечей, а некоторые комнаты светятся сами по себе, словно залитые лунным светом. Никто никогда не видел и не общался напрямую с горной царицей. Она ведёт дела, скрытая семью вуалами, и голос её очаровывает. Некоторые рассказы

повествуют, что царица разводит кошек исключительной красоты и привлекательности, которые, как гласят слухи, обладают необычными магическими силами.

Вероятно, подобные истории восходят корнями к тем байкам, что рассказывают у походных костров купцов, вроде той, где говорится о тилийском купце, который нашёл на дороге кошку. На полпути к Тилии кошка исчезла, но в фургоне купца оказалась прекрасная женщина. Тот понятия не имел, откуда она появилась, но, благоразумно не задавая вопросов, доставил её в Тилию, где та распрощалась с ним, заплатив за помощь.

В Бретонии рассказывают и другую историю — о странствующем рыцаре, который возвратился с женщиной утончённой красоты и бледным цветом лица, столь восхваляемым бретонскими трубадурами. Он сделал её своей женой и хозяйкой замка. Гости замка отмечали, что дама никогда не обедает на людях, но всегда выглядит безупречно здоровой. Есть и другие похожие истории, которые открывают тем, кто достаточно умен и наблюдателен, как династия Нефераты на протяжении многих столетий распространялась во многих странах.

Все представители династии Нефераты, за редким исключением, женщины. Говорят, что после того как Нагаш предпочёл возвысить не её, а Вашанеша, и после того, как Абхораш, на протяжении столетий

заявлявший о своей любви к царице, бросил её, не удостоив прощальным взглядом, и наконец, после того как Вашанеш нашёл себе супругу среди смертных, Неферата постепенно стала презирать мужчин и вообще им не доверять. Вместо них она стала отбирать по всему Старому Свету и за его пределами оборожительно прекрасных дев и даровать им Кровавый поцелуй. К этим новоиспечённым вампирам перешло недоверие их госпожи к мужчинам, её гедонизм, потворство собственным капризам и склонность к занятию политикой. Говорят, и я на собственном опыте убедился в справедливости этого, что они не остановятся ни перед чем, чтобы получить желаемое.

С помощью коварства и интриг они стремятся обрести контроль над государствами смертных. Никто из прочих вампиров не превзошёл эту скрытную общность сестёр в способах внедрения в человеческое сообщество. Присутствие сестёр Ламии обнаруживается нечасто, но их хватка, безусловно, ощущается. Возможно, сёстрам недостаёт силы некоторых прочих вампирских династий, но в хитрости и коварстве им нет равных. Большой талант к искусству и занятию государственной деятельностью в сочетании с яркой индивидуальностью производит почти неотразимое очарование на смертных.

Коготки ламиек проникли во все слои человеческого общества. Они принимают активное участие в делах человечества, и даже невозможно предположить, сколь многие из высокородных дам, могущественных и эксцентричных аристократок, вдов принцев и герцогов, которые избегают солнечного света и живут в затворничестве в высоких башнях и богатых дворцах, являются в действительности дочерьми Нефераты. Однако их вспыльчивость сопоставима быстроте реакции их тел, и сестёр легко вывести из себя, но сложно утихомирить.

Величайшая сила ламиек в том, как мне видится, что они поддерживают постоянную связь друг с другом и своей царицей. Я не могу сказать, какова истинная цель ламиек, но меня не оставляет ощущение, что они готовятся к завершающей стадии игры, все правила которой известны лишь им.

ИЗ ВСЕХ ЧИСТОКРОВНЫХ вампиров лишь Абхораш не имел желания испить Эликсир бессмертия, но, впервые увидев Неферату, он понял, что влюбился в неё. Он выполнял все её повеления без исключения, и это Неферата приказала ему выпить эликсир.

Подобно всем представителям нашего вида, Абхораш был беспомощен против охватывающей его жажды. Много дней он пытался сопротивляться жажде живой крови, но одной тёмной ночью не смог сдержать позыв и перебил многих своих подчинённых из дворцовой стражи. Осознавший тщетность отрицания собственной судьбы и не способный прекратить любить свою царицу, Абхораш не имел иного выхода, кроме как присоединиться ко двору Нефераты. Это по его совету царица приняла свод законов для вампиров Ламии. Те должны были скрывать свою сущность и питаться лишь теми, кто заслужил смерть. Хотя Абхораш оставался верным собственным правилам, многие прочие вампиры полагали, что подобные законы не для них, и продолжали поступать, как

прежде. В этом отношении худшим нарушителем был Ушоран, чем и заслужил вечное презрение Абхораша. И вышло так, что слухи о нечестивости Ламии распространились за её пределами.

Зрелище разрушения его прекрасного города и истребления населения необратимо изменили Абхораша. Его некогда гордое государство, изобиловавшее оазисами и пустынными садами, ныне стало выжженной бесплодной землёй. В Ламии не осталось ничего живого, и с того дня мертвецы уже не лежали спокойно в своих могилах. Абхораш поклялся быть вечным врагом всего человечества.

Когда Вашанеш добровольно принял смерть ради освобождения вампиров от прямого контроля Нагаша, Абхораш развернулся спиной к южным землям и с четырьмя последователями отправился на север, убивая всё попадающееся на пути и безудержно насыщаясь за все годы сдержанности и ограничений. С тех пор, как говорят, орки Скверноземелья продолжают испытывать страх перед вскрывателями глоток, некогда целиком уничтожившими пять племён. Абхораша

боялись даже гномы, ибо при отправке припасов в уединённую крепость или шахту, они часто обнаруживали, что все жители вырезаны безжалостным убийцей.

Легенда гласит, что Абхораш со своими последователями всё дальше уходил на север в поисках знамени, которое дало бы новую цель его существованию. Через многие годы он оказался у горы с охваченной огнём вершиной. Не слушая советы последователей, он решил взойти на гору.

Когда Абхораш достиг вершины, из её кратера появился кроваво-красный дракон невероятных размеров, который набросился на лорда-вампира. Абхораш и огромный змий сражались целую ночь, и победителем в итоге стал вампир. Пока дракон бился в предсмертной конвульсии, Абхораш вонзил в его горло свои клыки и принялся пить.

Опьянённый кровью дракона, Абхораш сбросил искалеченное тело красного дракона с вершины горы и издал торжествующий победный крик. Его поиски окончились. Испив драконьей крови, Абхораш больше не нуждался в жизненной силе людей. Он нашёл способ избавиться от жажды, сопутствующей вампиризму. Он стал совершенным воином, человеком с силой и способностями вампира, которому не нужно охотиться за кровью.

Он приказал своим приспешникам-вампирам отправляться в путь и совершенствовать собственные

боевые умения, ибо, сравнившись с ним мастерством, они тоже смогут избежать проклятия вампиризма и освободиться от скрывающегося внутри них хищника. С того дня бессмертные сыновья Абхораша в память о великом драконе, поверженном их могучим предком, стали называть себя Кровавыми драконами и стремиться к идеальности собственных боевых умений, чтобы стать достойными воссоединения со своим господином.

Самым выдающимся последователем Абхораша был Валах, наиболее известный из всей своей династии, не считая её основателя. Ходят легенды об уважаемом рыцарском ордено Ордо Драконис, который был хорошо известен в Империи. Их внушительная крепость-монастырь, Кровавый замок, охраняла перевалы в Бретоннию и была известна мощью своих стен и бесстрашием защитников.

„Книга Плача“ гласит, что одной ночью у ворот появился мужчина внушительного роста с аристократическими манерами, который потребовал принять его в орден. Он представился Валахом из рода Абхораша, и когда ему позволили войти, гибель ордена была предreshена.

Возможно по той причине, что название этого рыцарского ордена напоминало Валаху о великом подвиге предка, одной ужасной ночью он решил заразить рыцарей даром бессмертия и стать новым великим магистром ордена. Наиболее сильных, умелых и отважных он превратил в вампиров, а остальных убил и оживил в виде умертвий, чтобы они служили солдатами ему и его братьям. С того дня, вместо защиты тех, кто собирался пройти через охраняемый перевал, эти рыцари-вампиры охотились на них словно стая ненасытных волков, постоянно выискивая противников, в бою с которыми могли бы усовершенствовать собственные навыки. Однако со временем рыцари подыскали себе девиц, которым даровали Кровавый поцелуй, чтобы те могли стать вечными невестами ордена.

На протяжении многих лет кровавые рыцари скрывали свою истинную природу от человеческого сообщества, убивая всех свидетелей своего произвола и избавляясь от их тел. В итоге ужасную правду выяснили храмовники Сигмара, внимание

которых привлекли донесения о целых караванах, пропавших в окрестностях перевала.

Для уничтожения рыцарей-вампиров собрались целых четыре имперских ордена храмовников, стремящиеся показать своё мастерство и храбрость. Кровавый замок был осаждён. Три долгих года держался орден вампиров, однако в итоге ворота крепости были проломлены, и она была предана огню. Столкнувшись с превосходящими силами, рыцари-вампиры против желания оставили обиталище предков. Их преследовали как рыцари Сигмара, так и охотники на ведьм, и считалось, что все вампиры были истреблены. Кровавый замок превратился в развалины, и его мрачное наследие было почти позабыто.

В действительности всё было несколько иначе. Когда крепость-монастырь была разрушена, рыцари Кровавого дракона разделились. Они ускользнули от преследователей и направились в земли Бретоннии, Эсталии, Тилии и ещё дальше. Теперь их можно встретить в любой точке Старого Света. Где-то они сторожат объекты вроде мостов и бродов, вызывая на бой всех проходящих, чтобы проверить свою храбрость и повысить боевые умения. Другие скрываются среди людей в безнравственных городах Старого Света, выступая в качестве наёмников, солдат или наёмных убийц, и лишь их внушительное мастерство, невероятная сила и блеск в глазах свидетельствуют о той жажде, что пылает в их крови.

Я считаю Кровавых драконов

недалёкими и лишёнными воображения. В отличие от представителей моей собственной династии, у Кровавых драконов отсутствуют амбиции повелевать низшими существами, не пытаются они и поднимать огромные армии. Похоже, идеалы и принципы Кровавых драконов скорее направлены на индивидуальное боевое мастерство, чем на попытки создать что-либо долговечное. Кровь прародителя делает их бесподобными бойцами, ибо Абхораш был величайшим воином древней Нехекхары. Но мощь эта имеет свою цену, а потому все они одержимы совершенствованием боевых умений. Всё их существование посвящено войне и смерти. Их путь — это путь меча: каждый стремится стать идеальным бойцом. Все соревнуются друг с другом, и каждое произнесённое слово несёт в себе скрытый вызов. Без железной дисциплины Кровавые драконы вскоре впали бы в анархию.

Теперь, через столетия после уничтожения ордена вампиров, люди шепчутся, что Кровавый замок снова заселён и в его залах бессмертные рыцари пьют человеческую кровь. Снова глупые смертные приглушёнными голосами рассказывают старые легенды о рыцарях, охочих до крови. Я имел неудовольствие сталкиваться с некоторыми воинами этой наиболее воинственной династии и всех их уничтожил, сочетая собственные навыки обращения с оружием и некромантию. Они по-прежнему, почти каждые полвека, собираются в своём большом зале для празднеств, проводя церемонии братства, пародирующие священные праздники храмовников из орденов Старого Света. Они пьют тёплую кровь из серебряных кубков и повторяют древние клятвы верности.

Хоть я и не могу подтвердить, либо опровергнуть сей слух, говорят, что их предводитель Валах по-прежнему руководит Ордо Драконис в качестве великого магистра, и они стремятся к совершенству, неустанно применяя на практике различные боевые стили. Как и все представители нашего вида, я сомневаюсь, что вся эта их маниакальная дисциплина действительно заглушает внутреннюю кровавую ярость или приносит им успокоение.

ДУЖЕ РАССКАЗЫВАЛ, как искусство некромантии было впервые занесено в Старый Свет и как вытесненные из своего города Ламии вампиры нашли пристанище у Великого некроманта Нагаша. В ходе великой битвы с Алкадизааром союз вампиров распался, и каждый из чистокровных вампиров решил действовать по собственному усмотрению. Единственным вампиром, оставшимся верным Нагашу, был В'Соран. Когда прочие вампиры бежали с поля боя, В'Соран остался в подчинении своего господина. Он рассчитывал, что если останется с Нагашем, тот раскроет ему больше секретов некромантии.

Поэтому В'Соран повёл против Нехекхары огромную орду костяных воинов и сам ехал в первых рядах, применяя на поле боя свою губительную магию. Когда окровавленные тела его врагов пали на песчаную поверхность пустыни, сокрушённые разрядами потрескивающей энергии, он подчинил эти тела своей воле и приказал им восстать и сражаться против собственных товарищей. Сражение было яростным, и армия Алкадизаара была ослаблена ужасной чумой, которая распространилась по стране. Ужас ситуации, что приходится сражаться с собственными искалеченными и зачумлёнными друзьями и членами семей, поднятыми из могил, привёл к тому, что армия Алкадизаара развалилась под мощным натиском.

Нагаш был доволен своим учеником и в качестве вознаграждения подарил В'Сорану копии своих почти мифических Девяти книг, тех самых, которые я сейчас использую в качестве образца для великой истории, предлагаемой вашему вниманию. За тот период обучения у Нагаша В'Соран многое узнал о «другом» мире смерти,

который сосуществует с этим миром смертных. К несчастью для чистокровного вампира, его господина всего лишь через год после восхождения к власти был повержен Алкадизааром. Тем не менее, В'Сорану и его ученикам удалось бежать, прихватив с собой все артефакты и книги Нагаша, которые удалось разыскать. В'Соран не питал тех амбиций, что прочие вампиры. Покорение мира смертных не было значимой целью для того, кто уверовал в мечту Нагаша. Он стремился осуществить план своего господина по искоренению всего живого в мире, и тем

самым положить конец любым интересам или влиянию, которые боги могут иметь в мире смертных, ибо в отсутствии живых некому будет поклоняться богам и те не смогут заполучить ни одной души смертного. В'Соран понимал, что мощь, необходимая для достижения подобного результата, могут дать знания о мире духов, который является сущностью его собственного бытия.

Не имея стремления создать великую нацию, он не был склонен создавать армию подручных, как прочие вампиры. С горсткой своих последователей он остался в пустых и заброшенных дворцах Ламии, в которую, как он логично предполагал, не вернётся ни один из прочих вампиров.

Со временем дело В'Сорана зашло в тупик. Его исследования мира духов и разновидностей некромантии превратились в самоцель, и он утратил представление о мечте своего господина. В'Соран обладал несомненной мощью, но для взаимодействия с миром духов он входил в похожее на транс состояние. Одним из таких моментов воспользовался для своих целей его лучший и самый прилежный ученик, пылкий последователь Нагаша по имени Мельхиор. Неясно, что в итоге подвигло Мельхиора предать своего господина.

Возможно, с ним извне поговорил Нагаш и дал наказ убить В'Сорана, а возможно, он заметил бесплодность трудов своего господина. Возможно, и я сам в это верю, Мельхиор смотрел на В'Сорана свысока, ибо сам был способен взаимодействовать с миром духов без необходимости входа в транс. Как бы то ни было, Мельхиор набросился на своего господина, разорвал ему глотку и осушил до последней капли крови, а затем в течение трёх дней съел тело В'Сорана, дабы убедиться, что впитал всю сущность своего господина. С этого момента Мельхиор был провозглашён главой династии, которой он дал название некрархи, что символизировало их приверженность смерти.

На мой взгляд, некрархи, возможно, самые ужасающие из всех повелителей ночи, по крайней мере, для смертных. И они явно наиболее отвратительные. Большинство вампиров сохранило свой человеческий облик, когда Кровавым поцелуем им было даровано бессмертие, но в крови некрархов содержится нечто мерзкое и испорченное. Физические изменения у них начинаются вскоре после обращения. Вампиры-некрархи, скелетоподобные и смердящие кладбищенской вонью, представляют собой воистину отвратительное зрелище.

Я считаю бесспорным, что все вампиры династии некрархов должны быть безумны, ибо воистину ужасны изучаемые ими тайны и столь глубокое погружение в предмет изучения. Глаза вампира-некрарха видят мир живых в размытых очертаниях; и мир мертвецов, бестелесных духов, потерянных душ, привидений, призраков и всех прочих, имеющих к нему отношение, для них кристально прозрачен и куда более реален, чем кишачий жизнью мир смертных.

Вампиров династии некрархов не особо интересует жалкий мир людей. Они ходят дорогами царства смерти. По меркам смертных, они запредельно мудры и владеют многими тайнами некромантии. Самого обладания теми знаниями, которыми располагают некрархи, достаточно, чтобы смертный умер от ужаса. Похоже, некрархи имеют склонность к обитанию в высоких башнях, где могут изучать небеса и ветры магии. Некрархи — мастера алхимии и мистических искусств. В своих пропылённых покоях они создают зелья для усиления своего и без того внушительного, хоть и безумного, интеллекта.

Со своих башен в тёмную пору Ночи тайнств они творят мощные заклинания. Цель у этих чар всегда одна — уничтожение всех живых существ в пределах досягаемости некрарха. Из их тёмных обиталищ постепенно распространяется порча, отравляются реки, засыхают леса, а люди и животные заболевают и умирают. Некрархи явно намерены истребить всю жизнь в

известном нам мире, и возможно поэтому охотники на ведьм ненавидят некрархов больше прочих представителей нашего вида и не жалеют усилий в попытках известить их под корень. К несчастью, розыск этих скрытных созданий — это наиболее сложная задача, которую может возложить на себя истребитель вампиров.

Следствием малой распространённости некрархов является то, что многие из так

называемых учёных Империи вообще сомневаются в реальности их существования. Уверяю вас, в тёмных уголках мира, скрытые от глаз властей смертных, некрархи продолжают свою неторопливую предательскую деятельность. Возможно однажды, когда полностью пробудится их бог, труд некрархов принесёт свои плоды, и мир познает ужас, не сравнимый со всем, что было прежде.

УВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ Стирланда, в холодной тени гор Края Мира расположена Сильвания, которую многие смертные считают территорией с самой дурной репутацией во всей Империи. Эту страну унылых холмов, отвратительных болот и окутанных туманом лесов избегают все здравомыслящие путешественники. Лишь безрассудно храбрый смертный отважится отправиться в путь после наступления темноты, а странствующий рыцарь или усталый пилигрим редко ищут пристанище в мрачных замках, возвышающихся по всей стране. Грубые крестьяне в своих жалких деревнях на ночь запирают двери на замки и засовы и подвешивают над закрытыми ставнями окнами дурацкие пучки ведьмогона и демонского корня с напрасной надеждой, что эти защитные травы отвадят тех, кто появляется ночью. Даже печально известные своей грубостью и бесстрашием сборщики налогов стирландского курфюрста, будучи вынуждены собирать подати для своего повелителя в тех местах, надевают амулеты, благословлённые священнослужителями Морра и Сигмара, и ходят группами человек по пятьдесят.

Тёмные истории о Сильвании рассказывались издавна, насколько помнят люди. Велика вероятность, что

если претенциозный кабацкий певец декламирует зловещую балладу или придворный поэт рассказывает страшную историю, то их действие происходит в Сильвании. О Сильвании ходит столько тёмных легенд, сколько не наберётся во всех остальных имперских провинциях вместе взятых, и весомое зерно истины содержится в большинстве этих историй, хотя славящиеся своей глупостью смертные Империи приукрашивают их и упорно страшатся того, чего не понимают. Однако, по чести говоря, это страна, где неупокоенные духи, некроманты, и даже мои собратья-вампиры по-прежнему открыто появляются под бледным светом лун. Старейшие письменные свидетельства тому, что некоторые могут назвать недоброй сущностью Сильвании, датируются временами Великой чумы 1111 года по ИК, которая одновременно проявилась по всей Империи. Чума быстро распространилась на восток и проредила население Сильвании. Трупы лежали там же, где людей настигала смерть, потому как уцелевшие боялись близко к ним подходить. Хотя имперские учёные всё ещё спорят об этом, в действительности чума была делом рук отвратительных крысолюдей, которые решили подсократить население Империи до начала массированного вторжения в 1115 году по ИК.

Хотя так называемые Скавенские

войны шли по всей Империи ещё девять лет или около того, до избрания императором графа Мандреда Истребителя Скавенов, из Сильвании скавены были вытеснены задолго до этого. В судьбоносную Ночь тайнств того же 1111 года, когда Моррслиб сияла ужасающим изумрудным светом и на Сильванию обрушился град ярких метеоров, прорицатели и астрологи предрекли катастрофу. Этот звездопад действительно стал дурным предзнаменованием, по крайней мере, для скавенов. Гниющие трупы, покрытые чёрной чумной сыпью, отказывались оставаться в могилах. Умершие отцы являлись обратно к своим детям. Разлагающиеся жёны возвращались, чтобы возлечь со своими мужьями. Даже дегенераты-гули бежали с переполненных кладбищ и погостов, обитатели которых не желали оставаться в покое.

В то время Сильванией правил барон Фредерик ван Хал. Придя к власти в 1106 году по ИК, он немедленно принялся искоренять коррупцию среди властей провинции, которая стала огромной местной проблемой со времени восхождения на имперский престол печально известного Бориса Златолюбца несколькими годами ранее. С появлением чумы и внезапным воскрешением мертвецов для ван Хала всё изменилось.

Как раз тогда, когда ситуация сделалась почти невыносимой, у ворот Ванхальденшлоссе появился бледный аристократ. Аристократ назвался принцем Владимиром и предложил отчаявшемуся барону способ, как взять под контроль неистовствующую в его провинции нежить, а заодно и дать отпор скавенам. Он говорил о наследии Кадона — человека великой мощи, память о котором затуманена мифами и страхом — ибо Кадон владел древними предметами могущества, которые, по словам принца Владимира, были способны повернуть ситуацию в пользу ван Хала.

Владимир сообщил, что принёс ван Халу эти артефакты, хотя и не открыл причин своего столь благородного поступка. То были Девять книг Нагаша. Ван Хал слышал о Нагаше лишь из различных легенд о Сигмаре и ему стало

любопытно, чему книги смогут его научить. С помощью принца Владимира ван Хал воспользовался почерпнутыми в книгах знаниями для установления контроля над ордами блуждающих мертвецов, досаждавших сельскому населению Сильвании. Не располагавший достаточным количеством живых солдат, ван Хал обратил нежить против скавенов, войска которых завоёвывали провинцию, как происходило и во всей остальной Империи. Хотя открывшаяся ему мощь тревожила ван Хала, он был крайне рад, что противник в итоге был отброшен ценой минимальных потерь среди его людей. И всякий раз, когда его армия зомби бывала разбита, он попросту воскрешал их снова для продолжения боя.

Так или иначе, но ван Хал, известный более поздним поколениям под именем Ванхал, вскоре стал самым известным некромантом в истории Империи. Это он при неафишируемой помощи Владимира написал печально известную „Либер Мортис“ — свой основной труд, в основе которого лежит переработанный кадоновский перевод Девяти книг Нагаша.

Однако, неудовлетворённый этим безупречным переводом трудов Великого некроманта, Ванхал совершил множество паломничеств в Царство мертвецов. Оберегаемый своим неизменным союзником Владимиром и наиболее мощными чарами, он общался с обитателями некоторых городов-гробниц и исследовал самые тёмные тайны древности. В Ночь тайнств он общался с воющими демонами, тщательно выбирая крупницы истины из их лживых слов. Ибо даже демоны Хаоса помнили выдающиеся деяния Нагаша. Это книге „Либер Мортис“ Старый Свет обязан своими отрывистыми знаниями об истории Великого некроманта и древней страны, которой он некогда правил, а затем уничтожил.

По всей Сильвании скавены и нежить истощали свои силы в затяжной и бессмысленной войне, которая в итоге привела к краху обе стороны. Ванхал был убит своим амбициозным учеником Лотаром фон Диелом, который, в свою очередь, был изгнан из

Ванхальденшлоссе группой рыцарей под предводительством, по всей видимости, призрака его господина. После исчезновения фон Диела армии нежити, лишившись управляющего ими разума, бесцельно блуждали по стране, убивая живых, но постепенно изничтожались своими противниками: людьми, скавенами и орками.

Империи потребовалось много столетий, чтобы оправиться от опустошения, причинённого Чёрной смертью. По мнению смертных, Сильвания так в действительности и не оправилась. Население сократилось до десятой части

от прежней численности, а случаи мутации и заболеваний наблюдались значительно чаще, чем где-либо ещё в Империи. Кроме того, после Великой чумы мертвецы Сильвании всегда демонстрировали склонность не оставаться погребёнными. Эта проблема стала причиной печально известного сильванского обычая хоронить тела в гробах лицом вниз, чтобы при попытке выбраться наружу, они закапывались глубже. Что касается таинственного принца Владимира, то не существует письменных данных о его судьбе сразу после окончания Скавенских войн.

В ПОСЛЕДОВАВШИЕ ЗА Великой чумой годы Сильвания обрела ужасную репутацию. Крестьяне стали символом угрюмости и тупости. Скучная почва сильванских полей отличалась худшей урожайностью в Империи. Хворь и голод были обычным явлением. Мало кто из купцов занимался местной торговлей, ибо доход она приносила скромный. Лишь самые отчаявшиеся преступники обитали в никчёмных, населённых призраками лесах Сильвании.

Примерно через шестьсот лет после гибели Ванхала в Сильвании правили ван Драки — выродившийся, загнивающий и ленивый род, не проявлявший интереса к выполнению своих феодальных обязанностей, в котором были нередки случаи врождённого идиотизма и безумия. Говорят, что это был единственный в Империи род, представители которого не участвовали в арабских крестовых походах. Прочие аристократы провинции были не лучше. Многие были ограниченными, жестокими и абсолютно испорченными людьми, едва отличавшимися от бандитов; они враждовали друг с другом и совершали набеги не имея ни малейшего уважения к верховной власти. Остальные же были трусами и неудачниками, не имевшими склонностей к войнам и прочим аристократическим забавам.

Сильвания стала болотом, презираемым остальным человечеством, и в её тёмных уголках беспрепятственно вели свою деятельность ужасные создания. Она словно магнит притягивала злых колдунов, которые могли заниматься исследованиями чёрной магии без вмешательства властей. Изредка вести о тёмных делах привлекали внимание охотников на ведьм или какого-нибудь фанатичного ордена храмовников, и в лесах проводилась зачистка, осуществлению которой местное дворянство не помогало и не препятствовало. В остальное время слабый рост сил зла в провинции ничем не сдерживался. Это в итоге вынудило Верховного теогониста Юргена VI призвать к крестовому походу против Сильвании.

К несчастью, сие случилось во времена, когда на имперский трон притязали три претендента, и Империя была слишком раздроблена, чтобы ответить на призыв, а потому порочное и неэффективное правление фон Драков над пришедшей в упадок провинцией продолжалось.

Худший период этого тёмного времени настал столетие спустя, когда власть над Сильванией взял в свои руки Влад фон Карштайн. Сурова повесть о том, как первый из печально известных графов-вампиров пришёл к власти. Это началось штормовой ночью, когда Отто — последний из безумных графов фон Драк — лежал на смертном одре, проклиная богов за то, что не дали ему наследника мужского пола. Отто клялся, что скорее отдаст свою дочь Изабеллу в жёны демону Хаоса, чем позволит стать своим наследником ненавистному брату Леопольду. Он уже отказал в руке дочери каждому из дворян Сильвании, ибо всех их презирал, а ни один высокородный за пределами провинции не пожелал сочетаться браком с наследницей этих земель.

Отто был злобным и ничтожным человеком, за малейшую провинность отправлявшим крестьян на плаху, а упившись до отупения, считал себя возродившимся Сигмаром. Аристократы, сюзереном которых он являлся, ни во что не ставили его власть и не исполняли его приказы. Вся Сильвания скатывалась в пучину гражданской войны. Но, даже находясь на смертном одре, умирающий не раскаивался.

Снаружи гремел гром, и вспышки молний пронзали крошечную тьму. Престарелый священник Сигмара Виктор Гуттман, призванный исповедать старого графа, упал в обморок. А затем сквозь бурю донёсся стук колёс. У замка остановилась большая чёрная карета, тяжёлая рука с гулким ударом обрушилась на дверь, и спокойный голос потребовал впустить внутрь.

Ворота замка распахнулись, прежде чем успел отреагировать кто-либо из солдат, и появился посетитель. Собаки прекратили лай и попрятались. Незнакомец был высок, смугл и высокомерен, с внешностью и манерами аристократа. Он прошёл в покои графа, и

никто не встал на его пути.

У него был иностранный акцент, возможно, кислевитский, и, заявив Отто о своём аристократическом происхождении, гость попросил руки графской дочери. Глядя в холодные глаза незнакомца, граф, возможно, пожалел о своей поспешной клятве, но не смог тому отказать. Старый священник был приведён в чувство и провёл брачную церемонию перед постелью умирающего. Затем Отто скончался, оставив дочь на попечение Влада фон Карштайна. Первым делом новый граф вышвырнул протестующего Леопольда из окна самой высокой башни замка Дракенхоф.

Влад казался столь же эксцентричным, как старый Отто. Он никогда не принимал пищу в присутствии слуг. Он никогда не выходил наружу днём без необходимости. Он отстранил от должности священника-сигмарита и выслал его из города. Больше никто и никогда не видел Виктора Гуттмана. Вскоре в замке были уволены многие старые слуги, а их места заняли таинственные смуглые незнакомцы с востока. Однако новый граф не был столь показательно жесток, как прежний, а потому народ занимался своими повседневными делами, не обращая внимания на закутанных в плащи и капюшоны иноземцев, которые часто посещали замок. За годы правления фон Драков простолоудины научились не обсуждать действия своих правителей. По крайней мере, в отличие от прежнего, новый граф не требовал непомерных налогов и не устраивал бессмысленные казни ради своего увеселения.

Воинское мастерство графа не вызывало сомнений. Когда отряд Мясника Бернхоффа прискакал в город с требованием дани, граф легко одолел Бернхоффа, словно тот был подростком, а не знаменитым воином. Затем он перебил весь отряд наёмников, в то время как его личные телохранители стояли пассивными наблюдателями, не принимая участия в кровавой резне. Известность графу была обеспечена. В его владениях правил закон, виновные подвергались наказанию, а бандиты держались подальше.

До обывателей дошли слухи, что

Изабелла подхватила неизлечимую болезнь и медленно угасает. Один из ухаживающих за ней лекарей утверждал, что её сердце остановилось, и она умерла. Новый граф опроверг его слова. Он отпустил учёных докторов, заявив, что собственноручно будет ухаживать за женой. Три дня спустя Изабелла появилась перед народом, объявив о своём полном излечении, и выглядело всё именно так, хотя после этого она всегда выглядела бледной и болезненной и никогда не покидала свои покои днём.

Поначалу никто из враждующих между собой аристократов Сильвании не обращал внимания на распоряжения нового графа: они были слишком заняты собственными кровавыми распрями и соперничеством, чтобы выслушивать указы того, в ком видели узурпатора. Если Влада фон Карштайна сие и беспокоило, то он никак этого не показал. Он спокойно продолжал устраивать поместья, о которых столетиями не заботились должным образом. Фермер, который только что унаследовал стадо скота, не может уделять больше внимания управлению своими землями. Влад заботился о своём народе, как крестьянская семья заботится о животном, которое откармливают к празднику Ночи ведьм. После десятилетий правления безумного Отто подобное воспринималось с одобрением. Однако со временем в деревнях начали исчезать молодые девушки и парни, а мертвецы снова стали вести себя беспокойно. Поначалу их было немного, и они не причиняли вреда собственности графа, а тревожили тех, кто не подчинялся его власти.

Те мятежные сильванские аристократы, которым не досаждали ходячие мертвецы, становились жертвами странных несчастных случаев. Барон Хайнц Ротермайер был съеден волками. Барон Питер Каплин был обнаружен мёртвым в своих покоях с широко раскрытыми глазами и побелевшими волосами, словно умер от ужаса. Его жена сошла с ума и вскоре скончалась. Предводитель бандитов Борис Ухокус был обнаружен повешенным на дереве вниз головой, а в его теле не осталось ни капли крови. Лишь те, кто принесли

клятву верности Владу фон Карштайну, были, похоже, избавлены от подобных происшествий. Вскоре мятежные аристократы выстроились в очередь для принесения ему присяги. Всего за десять лет и без явного применения военной силы, фон Карштайн стал гораздо лучше контролировать Сильванию, чем многие курфюрсты собственные провинции.

Шли годы. Поколения крестьян родились и умерли в Дракенхофе, а Изабелла и Влад фон Карштайн по прежнему правили, совершенно не изменившись с годами. Поначалу лишь немногие обращали внимание на их долголетие. Жизнь крестьянина всегда

трудна, груба и коротка, а аристократия наслаждается куда более продолжительным периодом жизненной активности. Однако когда старейшая женщина в Дракенхофе заявила, что во время прихода к власти фон Карштайна её прабабушка была ребёнком, то даже тупые и невежественные крестьяне Сильвании начали подозревать какой-то подвох.

Возможно, не было ничего удивительного в том, что в Сильванию стекалось всё больше и больше охотников на ведьм. Те, кто решал заняться расследованием в отношении фон Карштайнов, пропадали бесследно, но худшее было впереди. Болезнь, которая первой поразила Изабеллу фон Карштайн, начала распространяться в других аристократических семьях, верных графу. Вскоре все основные замки Сильвании стали обиталищем долгоживущего народа, ведущего ночной образ жизни. Количество исчезнувших людей стремительно возрастало, и это стало заметным. Храмы Сигмара были закрыты. Вдоль границ были размещены сторожевые посты, и лишь немногим позволялось пройти. В раздробленной Империи Сильвания стала самой обособленной территорией.

В Ночь тайнств 2010 года от рождества Сигмара наконец-то открылась правда о Владе фон Карштайне. Когда он вышел на крепостную стену замка Дракенхоф и нараспев произнёс заклинание со страниц одной из Девяти книг Нагаша, по всей стране зашевелились мёртвые. Скелеты когтями прокладывали себе путь сквозь мягкий сильванский грунт, в гробницах зашевелились тела недавно усопших, а из лесов к Дракенхофу стали сбегаться гули. Фон Карштайн бросил вызов трём императорам. Начались Войны графов-вампиров.

Армии Сильвании отправились на северо-запад к Талабхейму, столице Оттилии, одной из претенденток на имперский трон. Войско нежити было огромно. Вампирская аристократия Сильвании вела орды скелетов и зомби. Крестьяне-рекруты отправились вместе со своими господами, сражаясь за них, как сражались бы за любого другого повелителя. Войска сопровождали гули, умертвия и прочие создания тьмы. В сражении при Эсенском броде они разбили армии Оттилии и обратили в бегство войско Империи. Перед битвой фон Карштайн обещал людям проявить милосердие, если они сдадутся, или никакой пощады, если выступят против него. Он остался верен своему слову, и его последователи казнили всех пленных,

после чего фон Карштайн оживил их тела.

Наблюдавший за убийством своих людей генерал Оттили Ханс Шлиффен был столь разгневан, что впал в ярость берсерка, вырвался из рук сторожей, завладел собственным зачарованным мечом графа и отсек фон Карштайну голову. За свой поступок он был разорван на части сторонниками графа. Остальные вампиры, за исключением меня, принялись спорить о том, кто должен занять место фон Карштайна. В итоге убедительнее прочих оказался Герман Поснер. В ту самую ночь, когда Поснер принял командование армией, возвратился Влад. Поснер заявил, что это какой-то обман, и фон Карштайн его убил. Этому неуловимому графу не впервой было незваным возвращаться из когтей смерти.

В битве при Швартхафене Влад был сражён Джереком Крюгером, предводителем рыцарей Белого волка, и целым отрядом его людей. Однако и года не прошло, как Влад фон Карштайн возглавил другую армию, а искалеченное и обескровленное тело Крюгера было обнаружено у подножия вершины Мидденхейма. На поле у Блутхофа фон Карштайн пал, пронзённый пятью копьями, и кюрфюрст Остланда вогнал Рунический клык в его сердце. Три дня спустя графа видели у городских ворот, отдающим приказ распнуть пленников. На Богенхафенском мосту удачным выстрелом пушечного ядра фон Карштайну оторвало голову. Не прошло и часа, как расчёт пушки был мёртв, и деревня была захвачена. При виде врага, кажущегося столь неуязвимым, имперских солдат охватывал ужас.

Зимой 2051 года сильванцы взяли в осаду сам Альтдорф. Город окружал ров с заострёнными колями со стороны городской крепостной стены. Воды Рейка были направлены в ров, чтобы защитить город стремительным водяным течением. Не сработала ни одна из принятых защитниками мер предосторожности. Ничто не могло остановить наше продвижение.

Огромные катапульти осыпали перепуганных жителей массивными камнями и частями тел их павших

товарищей. Фон Карштайн предъявил свой обычный ультиматум — открыть городские ворота и служить ему живыми, или оказать сопротивление и служить ему мёртвыми. Всё население, включая Людвига, претендента на имперский трон, хотело сдаться, но этого не позволил Верховный теогонист Вильгельм III. Он отправился в главный собор Сигмара и после трёхдневного поста и молитв вышел оттуда с верой, что Сигмар открыл ему путь к спасению Империи. Он узнал, в чём заключается источник бессмертия фон Карштайна.

В тот же день он заслал в наш лагерь агента. Его звали Феликс Манн, и он был величайшим вором своего времени. Манну было предложено полное помилование и магическая защита Верховного теогониста. От него требовалось выкрасть кольцо Влада. Манн ухитрился незамеченным пробраться в центр нашего лагеря. С трясующимися поджилками он вошёл в большой чёрный шатёр из шёлка, где в своём гробу спал Влад. Манн решил, что часовых у шатра вампиры не выставили по причине своей заносчивости. Манн аккуратно снял кольцо с пальца фон Карштайна и удалился, так и не возвратившись в Альтдорф. Никто не знает, что произошло с ним и Кольцом Карштайна. Никто, за исключением меня.

Проснувшись, Влад фон Карштайн впал в ярость. Он приказал немедленно штурмовать город. Армия нежити хлынула вперёд. Огромные осадные башни покатались к стенам. На укреплениях Альтдорфа стояли изготовившиеся защитники. Алебардисты отбрасывали от стен осадные лестницы, и множество ходячих мертвецов падало вниз, медленно размахивая конечностями. Скелеты и мечники рубились в рукопашной на крепостной стене. Имперские герои, вооружённые внушительным магическим оружием, сражали вампирских аристократов низшего ранга, и тоже погибали под ответными ударами.

Высоко над городом, в центре этого обширного сражения сошлись в поединке Верховный теогонист и Влад. То был бой, какой нечасто доводится видеть. Два

могучих чемпиона обменивались ударами, и вскоре Влад начал одерживать верх. Предчувствуя скорый конец, Вильгельм прыгнул на врага, позволив клинку Влада пронзить грудь, и увлёк графа-вампира за край крепостной стены. Оба падали вниз, крепко сцепившись в смертельном объятии. Влад первым упал на острия деревянных кольев у подножия стены, затем сверху обрушился Вильгельм, насаживая вампира ещё глубже. С ужасным криком граф окончательно испустил дух: воскрешающее кольцо пропало, и никто из союзников графа не смог заполучить его останки раньше имперцев.

С гибелью фон Карштайна мы, силванцы, вынуждены были отступить. Более половины вампиров погибло, но люди Альтдорфа понесли столь значительные потери, что преследовать противника было невозможно. Верховный теогонист Вильгельм был похоронен в стенах собора Сигмара, и с этого дня люди молятся его духу, когда им угрожают легионы нежити. Среди изорванных останков чёрного шатра был обнаружен окованный железом эбеновый сундук с принадлежавшими Владу копиями Девяти книг Нагаша и „Либер Мортис“. Их поспешно поместили под замок в соборе Сигмара.

Последней жертвой сражения при Альтдорфе стала Изабелла фон Карштайн. По всей видимости, не представляя себе вечности без своего супруга, она бросилась на колья и рассыпалась в прах на глазах потенциального императора Людвига и его телохранителей.

Людвиг мог бы, не теряя времени, двинуться на Сильванию и навсегда покончить с тамошним злом, но против него объединились войска двух оставшихся претендентов на престол, которые опасались, что он может воспользоваться своей популярностью победителя, выжившего при осаде Альтдорфа, для поддержания собственных претензий на трон. Таким образом, правители Сильвании получили время на восстановление своих сил. Я же решил не принимать в этом участия.

Некоторое время было не совсем

понятно, что они могут предпринять. Среди вампиров шёл спор о том, кому быть наследником Влада фон Карштайна. На это звание претендовали пятеро выживших: Фриц, Ханс, Питер, Конрад и я. Мы все являлись потомками фон Карштайна, ибо он передал свой дар-проклятие каждому из нас, и, по сути, претензии наши были одинаково весомы. Каждый, за исключением меня, объявил себя истинным графом фон Карштайном, и между ними разгорелась ожесточённая борьба. Со временем все они закончили плохо. Фриц был убит при попытке осадить Мидденхейм. Ханс был убит Конрадом в ходе спора о том, кто из них сильнее. Питер в собственном гробу был захвачен далёким потомком печально известного Ванхала — охотником на ведьм Хельмутом ван Халом, который стремился искупить преступления своего прародителя. Конрад, однако, выжил.

Конрад фон Карштайн был абсолютно безумен. Даже будучи смертным, он имел репутацию кровожадного убийцы: жестокого, беспощадного и безрассудного. Своего удовольствия ради он как-то приказал своим арбалетчикам изничтожить всех кошек в его владениях. Дважды, как минимум, он предал огню крестьянские деревни из-за не понравившегося запаха. Собственную мать он судил за то, что она дала ему жизнь без его на то согласия, а затем замуровал в её же собственной башне. Обретение бессмертия и мощи вампира никак не укрепило шаткую связь Конрада с реальностью. Его правление, основанное на терроре, продолжалось около столетия, и по сей день его именем смертные пугают своих детей.

Не имея никаких навыков в некромантии, он стал поработать многих меньших вампиров и жалких некромантов из тех, кого смог, вынуждая их исполнять свою безумную волю. Вскоре он возглавил огромную армию, которая вдоль и поперёк опустошила Империю. В то время как Влад всегда предлагал своему противнику выбор между жизнью и смертью, Конрад предлагал выбор между смертью мгновенной и смертью мучительной. Если Влад фон Карштайн, подобно

заботящемся о собственном стаде фермеру, рассматривал людей, как требующий ухода скот, то Конрад смотрел на них, как жестокий охотник-любитель на стадо оленей.

Разумеется, свирепость Конрада вынудила трёх претендентов на имперский престол объединить силы против него в двух отдельных случаях. Впервые это произошло в Битве четырёх армий у Мидденхейма в 2100 году, окончившейся невыразительной ничьей. Эта битва известна, прежде всего, прискорбным примером предательства, когда сын Людвига Лютвик и Оттилия из Талабекланда во время сражения отправили друг к другу наёмных убийц. Хельмуту из Мариенбурга стать императором помешало лишь то обстоятельство, что он был убит Конрадом. Даже сын Хельмута Хельмар отказался признать отцовские претензии на трон, как только тот стал зомби, управляемым Конрадом. Вторично сие случилось у Зловещих болот, где объединённая армия людей и гномов окончательно разбила Конрада весной 2121 года. Гномий герой Груфбад прижал Конрада к земле, а Хельмар пронзил убийцу своего отца Руническим клыком, затем разрубил тело вампира на части и приказал сжечь.

Я остался последним и, бесспорно, наиболее опасным из моих предшественников. Моё утончённое тщеславие и негибкая гордость были и остаются чертами, присущими представителям моей династии. Я был тем, кто спланировал падение Влада, и это я, а не Сигмар, открыл тайну Влада теогонисту и навёл чары на часовых, чтобы не дать им обнаружить Феликса Манна. Пока Конрад опустошал Империю, я странствовал по землям Нехекхары, пока не достиг далёкой Ламии, где существенно углубил своё знание искусства некромантии. В Дракенхоф я вернулся с багажом знаний и выжидал подходящий момент, пока не уверился в собственных силах. После гибели Конрада я стал безоговорочным предводителем войск Сильвании, но целое десятилетие не предпринимал никаких действий, позволив претендентам на имперский престол

думать, что угроза со стороны Сильвании исчезла, и предоставив им время перессориться друг с другом, чем они надлежаще воспользовались. Как только в Империи снова разразилась ожесточённая гражданская война, я решил, что пришло время нанести удар.

В разгар зимы мои легионы нежити пересекли сильванскую границу и по снегу направились к Альтдорфу, предавая мечу всех встретившихся и пополняя ими свои ряды. В ходе злополучной Зимней войны 2132 года я разгромил несколько наспех собранных имперских армий, которые попытались преградить мне путь. Победы сменялись победами, и слухов о моём появлении было достаточно, чтобы крестьяне бросали свои дома и насмерть замерзали в снегу. К концу зимы моё войско достигло Альтдорфа, и я обнаружил, что на городских укреплениях отсутствуют защитники. Чувство триумфа охватило меня. Когда всё шло к тому, что мне достанется величайший город Империи, на крепостной стене появился Верховный теогонист Курт III, который начал зачитывать великое заклинание развоплощения из „Либер Мортис“. Видя, как мои последователи обращаются в прах, я приказал поспешно отступить. Хотя по-своему я, без

сомнения, был наиболее могущественным из всех моих предшественников, теперь мои враги казались подготовленными к встрече с олицетворяемой мной угрозой.

Я направил свою армию вниз по Рейку к Мариенбургу, намереваясь осадить портовый город, но мои планы нарушила армия Мариенбурга и группа асур, которые недавно основали там торговую колонию. В числе представителей старшей расы был знаменитый архимаг Финрейр, чья поистине невероятная мощь в критический момент повернула ход сражения против моих войск. Я решил организовать длительную осаду, однако мои разведчики доложили, что с тыла быстро приближается армия из Альтдорфа. Вынужденно сняв осаду, я отступил в пределы Империи. Так началась затяжная погоня кота за мышью, в которой ни одна сторона не была абсолютно уверена, кто же из них кот. Армии различных имперских

провинций могли сокращать численность моей армии, а затем я одерживал крупную победу.

В итоге меня оттеснили обратно в леса Сильвании. Вознамерившись не повторять былой ошибки, отчаявшиеся аристократы Империи заключили между собой перемирие и медленно, но верно принялись прочёсывать сильванские леса. Чёртовы гномы помогли им в этой задаче. Объединившись, жители Империи были непреклонны. В конце концов, я дал сражение при Хел Фенн, где был сражён курфюрстом Стирланда и отрядом его телохранителей, когда отделился от своей свиты. Чувствуя, как жизнь покидает меня, я крепко вцепился в своего скакуна, с которого упал на самом краю огромного болота и погрузился в его тёмные глубины.

Как следовало ожидать, курфюрст Стирланда Мартин заявил, что сразил меня собственноручно, за сей подвиг потребовав присоединения к своим владениям всей Сильвании. Ему никто не возражал, ибо земли эти были никому, по сути, не нужны.

Жителям Империи объявили, что угроза графов-вампиров навсегда ликвидирована.

Теперь скажу, что я до сих пор лежал бы в толще ила и болотной грязи, если бы не легко управляемый мозг жалкого некроманта по имени Штильман. И я снова бесспорный повелитель моих владений, более сильный, чем был когда-либо в своей долгой жизни. Опустошения, причинённые повелителем варваров Архаоном, ослабили Империю и отвели взор человечества от угрозы, которую я по праву олицетворяю.

Моих сил хватило, чтобы поднять и подчинить моей воле достаточно слуг для проведения масштабной кампании против северных налётчиков. И хотя после сражения я оставил поле боя, на котором встретился с воскрешённым теогонистом Сигмара, с тех пор я стал ещё сильнее, впитав в себя сущность потомков Нефераты, Абхораша и даже В'Сорана.

Я наследник Вашанеса, и время моё вот-вот настанет.

Пробудитесь, о мёртвые, ибо нет для вас под землёй упокоения.

Пусть раздробленные кости выберутся из могильного покрова.

Пусть холодные пальцы сомкнутся на изъеденных временем клинках, и незрячие глаза окинут взором поля сражений.

Ибо снова пришло ваше время.

И мёртвые восстанут.

Sylvania Press

